

Д. Николай Е. Р. Н.

странствующая труппа

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ

Николай Александрович Лейкин

Странствующая труппа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69047806

Лейкин Н.А. Странствующая труппа: Центрполиграф; Москва; 2023

ISBN 978-5-227-10235-5

Аннотация

Тяжело пришлось не получившим ангажементов на зимний сезон актерам небольшой труппы Котомцева, приходится им скитаться по маленьким уездным городам и пытаться привлекать публику там, а не в столице. Публика эта, однако же, с куда большим удовольствием будет смотреть не пьесы Островского (а ведь купцы еще и обидятся, что над ними смеются), а фокусников, клоунов и дрессированных собак. Так и оказываются актеры в долгах как в шелках, но все равно пытаются ставить спектакли с надеждой получить достаточный сбор. И как будто мало было им своих проблем, за ними увязывается молодой купеческий сын, плененный красотой одной из актрис. Как и всегда у Н.А. Лейкина, читателя ждут отточенный стиль мастера-сатирика, смех сквозь слезы и множество интереснейших бытовых подробностей и примет времени.

Содержание

Часть первая	7
I	7
II	14
III	21
IV	27
V	33
VI	38
VII	44
VIII	51
IX	56
X	62
XI	68
XII	74
XIII	79
XIV	85
XV	91
XVI	97
XVII	104
XVIII	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

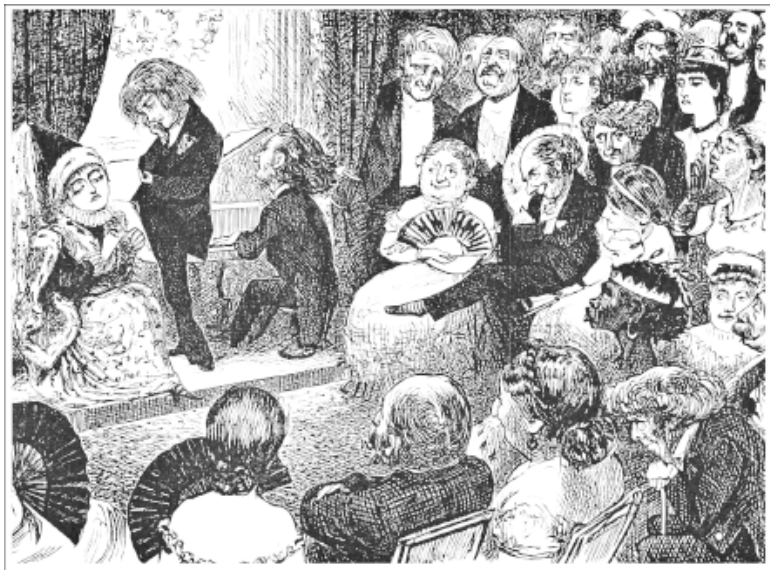
Николай Лейкин
Странствующая труппа
Роман в двух частях

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

Часть первая

I

Актер Котомцев, рослый брюнет с гладко бритым лицом, вошел в номер провинциальной гостиницы и, сердито швырнув свою складную порыжелую шляпу на диван, стал снимать с себя пальто.

– Чего ты швыряешь-то? – огрызнулась на него жена, ху-

дая, молодая еще женщина, разглаживавшая на столе маленьким утюгом шелковую юбку.

– А с того, что, кажется, мы в такое место заехали, что хуже Алеутских островов, – отвечал Котомцев, очутившийся в черной фрачной паре. – Это даже и не город, а посад.

– У головы был?

– Был и у головы, был и у полицейского надзирателя или пристава, что ли, – это две единственные власти, управляющие посадом.

– Ну и что же?

– Голова – серый мужик, хоть и одет в крахмальную сорочку со стоячим воротничком, полицейский надзиратель – истукан какой-то.

– Ну и что же они тебе сказали?

– Голова, спасибо ему, поставил графин водки, выставил кусок икры, селедку, сыру и мятные пряники к чаю, а надзиратель или пристав и того не сделал, а только спросил: «Паспорты-то у вас в порядке ли?»

– Насчет театра-то что? Насчет театральной залы? – допытывалась жена.

– Да нет здесь, оказывается, никакого театра, и никакой театральной залы нет.

– Зачем же мы сюда заехали?

– Да Суслов наврал, что в семьдесят девятом году он будто бы здесь концертами с живыми картинами хорошие сборы брал. Но говорят, что здесь вообще лет восемь уже ника-

ких представлений не было. Восемь лет тому назад, говорят, приезжал какой-то цирк, но давал свои представления в парусинной палатке, разбитой на площади.

– Так где же мы-то будем давать спектакли?

Котомцев только развел руками.

– Все-таки ведь клуб есть и, наверное, при нем зала? – допытывалась жена.

– Здесь, матушка, такое место, что и слово-то «клуб» не всякий выговорит. Какой тут клуб. Ничего нет.

– Ну, ратуша... В ратуше и должно быть зало.

– Есть. Но голова говорит: «Как бы Бог на нас не прогневался, если мы его под театр пустим». Вот какие понятия! Впрочем, полицейский надзиратель обещался его уговорить. А и уговорит, так как мы будем играть? Нет ни занавеса, ни декораций.

– Как же ты так опрометчиво привез нас сюда?

– Суслов... Ему поверил. Теперь ежели уезжать отсюда в Быстринск – с чем мы поедem? У меня денег всего только рубль тридцать копеек, и заложить нечего.

– Так что же мы будем делать?

– И ума не приложу. Попробовать разве дать музыкально-литературный вечер в ратуше, если надзиратель выхлопочет нам зало?

– Послушай... Есть же здесь какие-нибудь актеры-любители... Ты бы к ним обратился. Ведь где же-нибудь они дают свои спектакли. Не может быть, чтоб город был без любите-

лей.

– Понимаешь ты, что это не город.

– И все равно, актеры-любители должны быть. Ты не спрашивал про любителей?

– Да я, матушка, так обескуражен, что...

– А водку у головы, однако, и обескураженный пил.

– Ну, попреки... Только этого не доставало.

Вошел Суслов – худенький, корявенький, лет сорока мужчина в замасленном пиджаке и отрепанных серых брюках. Он держал что-то в кулаке, потряхивал им и говорил:

– Вороне где-то Бог послал кусочек сыру. Два с четвертью сейчас с одного купца в трактире на биллиарде выиграл.

– Ты что ж мне наврал, что здесь какие-то сборы брал! – крикнул ему Котомцев. – Здесь нет ни театра, ни театральной залы, ни декораций...

– Вздор! Есть, есть. Все есть. Мы в мыловаренном заводе тогда играли. Там и декорации были, и занавес, – отвечал Суслов. – Нет, ты вообрази, комику Бог два рубля с четвертаким послал. Ежели так каждый день пойдет дело, то и умирать не надо.

– В мыловаренном заводе?

– Да, в мыловаренном заводе. Там когда-то был мыловаренный завод.

– А где этот мыловаренный завод?

– А это за городом будет. Недалеко, но все-таки версты полторы... Там и декорации, там и... Занавес мы, впрочем,

тогда из мебельного ситцу делали.

– Хватайся, Анатолий, скорей хоть за мыловаренный завод, – сказала Котомцеву жена. – Съезди. Посмотри...

– Да ведь этот мыловаренный завод был в семьдесят девятом году, а существует ли он теперь? Может быть, давно уж развалился или сгорел, – сказал Котомцев.

– Существует, существует. В нем еще на Пасхе любители играли, – отвечал Суслов.

– Вот видишь, и любители есть! – подхватила жена Котомцева. – Суслов-то лучше тебя. Он все узнал.

– Да как же не узнать-то! Я сейчас с одним любителем в трактире водку пил. Здешний нотариус. Он даже просил меня, не будет ли ему какой-нибудь рольки, ежели мы спектакли ставить начнем.

– Видишь, видишь. А ты говоришь, что нет любителей. Чем бы вот у головы водку пить, ты бы лучше в трактире ознакомился со здешними жителями, – заговорила жена Котомцева.

– Ах ты, господи! – воздел руки кверху Котомцев. – Да не с тобой ли мы вместе решили, что надо прежде всего к голове идти с визитом!

– Тут, оказывается, и любительница есть. Самая ярая любительница. Жена лесничего, – рассказывал Суслов. – Она-то на Пасхе и устраивала спектакль. Поет даже... С голосом... Отличный рояль у ней есть, фисгармоника есть. Муж ее, лесничий, – скрипач. Это мне все рассказывали нотари-

ус и тот купец, у которого я два с четвертью на биллиарде выиграл.

– Ну, скажите на милость, а Анатолий вернулся от головы и рассказывает мне, что здесь нет любителей! – всплескивала руками Котомцева.

– Все есть. Пианист даже есть, который может играть в антрактах спектакля. Он здесь часовых дел мастер и настройщик, а также и на вечеринки играть танцы ходит со своим пианино...

– Поезжай сейчас, Анатолий, с Сусловым, и осмотрите мыловаренный завод.

– Душечка, ведь мыловаренный завод за городом... В нем хорошо летом играть. Суслов ставил там живые картины тоже летом, жена лесничего давала спектакль на Пасхе, стало быть, весной, но кого понесет в спектакль за город глубокой осенью или зимой! – говорил Котомцев.

– Однако надо же где-нибудь играть, ежели другого места нет.

– А может быть, полицейский надзиратель выхлопочет нам у головы залу в ратуше. Тогда мы возьмем декорации из мыловаренного завода и будем играть в ратуше. По-моему, уж ежели ехать сейчас, то ехать знакомиться с лесничихой и с ней переговорить о спектаклях. Едем, Суслов!

– Позволь... Как же я поеду к лесничихе, ежели у меня других брюк, кроме этих, нет, – отвечал Суслов.

– Да у тебя брюки вовсе не так плохи.

– Ну, все-таки... У меня, видишь, есть брюки черные под фрак, я их купил у Десятникова, но они мне длинны, и их надо обрезать... А эти...

– Брось... Ей-ей, можно и в этих брюках...

– Однако вот ты во фраке... Приличным манером...

– Я сейчас к властям ходил с визитом. Полно тебе... Пойдем.

– Сними фрак и оденься в пиджак, тогда я пойду...

– Ах, какой несносный человек! Ну хорошо.

Котомцев отправился за занавеску переодеваться.

II

Спросив в трактире, где живет лесничий, Котомцев и Суслов отправились к нему на квартиру. Лесничий жил совсем на краю посада в не замощенной еще улице, в собственном небольшом, вновь отстроенном деревянном домике с мезонином. Окрашенный в желтую краску с зелеными ставнями, домик глядел опрятно и приветливо. Около него вместо тротуара были сделаны новые деревянные мостки. Впрочем, дабы дойти до дома лесничего, Котомцеву и Суслову пришлось шагать по изумительной грязи. Стояла осень. Был октябрь на дворе. Вскоре они остановились перед подъездом, выходящим на улицу, на медной дверной доске которого была выгравирована надпись: «Вадим Семенович Гусин», и позвонились в колокольчик. Им отворила горничная.

– Дома барин? – спросил Котомцев.

– Нет, они в отъезде.

– А барыня?

– Барыня-то дома... – протянула горничная, подозрительно осматривая потертые пальто посетителей, и спросила: – А как об вас сказать? Кто вы такие?

– А вот передайте ей наши карточки, – сказал Котомцев и полез в карман. – Давай твою карточку, – отнесся он к Суслову.

– Откуда? У меня карточек никогда и не бывало.

Горничная взяла карточку, на которой под короной было написано: «Артист Анатолий Евграфович Котомцев», и хлопнула дверь перед самым носом посетителей. Через минуту она снова появилась в открытой двери и уж другим тоном заговорила:

– Пожалуйста, пожалуйста. Барыня очень просит.

Котомцев и Суслов вошли в светленькую прихожую с ясеновой вешалкой, ясеным диваном и ясеным столиком, поставленным перед зеркалом в ясеновой раме. Горничная сняла с них пальто. Котомцев взглянул в зеркало, взбил прическу и, крикнув, перешел в гостиную с множеством филенного вязанья на мягкой мебели. Лампы были под шелковыми абажурами, украшенными кружевами. Стоял кабинетный рояль, поодаль от него – гармони-флейта, на рояле лежала скрипка. В гостиной никого не было, но вскоре в нее вышла лесничиха, закутанная в оренбургский пуховый платок и с сильными следами пудры на лице. Очевидно, ее застали врасплох, и наскоро накинутый на плечи платок скрывал некоторые неисправности туалета. Это была маленькая, кругленькая женщина лет за тридцать, блондинка с кудерками на лбу и не лишенная пикантности.

– Артист Анатолий Евграфов Котомцев, – отрекомендовался Котомцев. – А это мой товарищ по сцене, Суслов.

– Крещен Ексакустодианом, но для удобства прошу звать просто Егором Васильичем. На Ексакусто... тьфу! На это имя я больше даже и не откликаюсь, – вставил свое слово

Суслов.

– Очень приятно, господа, очень приятно... Прошу покорно садиться, – заговорила хозяйка и, усадив гостей, и сама уселась на маленький диванчик, уютно прислонившись к спинке его. – Неужели вы приехали давать спектакли в нашем захолустном Гусятникове?

– Вообразите, да... – отвечал Котомцев. – Буду говорить прямо, по душе... – начал он.

– Ты уж, Котомцев, не утаивая ни единого слова, не щадя ни родства, ни дружбы, по чистой совести и правде... – перебил его Суслов и захихикал.

– Молчи... Буду перед вами говорить откровенно... – продолжал Котомцев. – Вы женщина образованная, а потому поймете меня. Ваше имя, отчество позвольте узнать?

– Ольга Сергеевна, – дала ответ хозяйка.

– Мы захудалые актеры, Ольга Сергеевна. Долго ждали ангажемента на зимний сезон, да так и не дождались. Не потому не дождались, чтобы уж хуже других были, а просто оттого, что нашего брата актера очень уж много развелось на святой Руси. Каждый выгнанный гимназист – актер, каждая сбежавшая от мужа жена – актриса. Некуда деться – в актеры. Так мы актеры, не получившие ангажемента. А между тем пить-есть надо. Вот мы и составили сосьетэ, артистическое товарищество, заложились, собрали последние крохи и поехали играть по маленьким городам и городишкам. Ехать в большие города – там везде антрепренеры и большие труп-

пы, так мы по маленьким городкам, где нет постоянных театров. Да ведь и товарищество наше маленькое и даже, можно сказать, самое мизерное. Я, жена, моя свояченица, резонер и благородный отец Днепровский, его супруга – комическая старуха, гранд-дам Безымянцева с супругом на народные роли и роли лакеев и вот комик Суслов, – кивнул Котомцев на товарища.

– Холост. Без супруги. Никогда не был женат и, по всем вероятностям, не буду... – привстал тот и комически поклонился хозяйке.

– Сиди. Не дурачься. Я говорю серьезно, – остановил Суслова Котомцев и продолжал: – В ваше Гусятниково наше сосьетэ делает первый визит и на первых порах терпит неудачу. Оказывается, театра здесь нет. Как распорядитель товарищества, еду с визитом к голове просить под спектакли залу в ратуше – и встречаю невежество: стесняется предоставить нам залу, опасаясь, что Бог его накажет. Полиция на нас смотрит косо. Случайно узнаю, что есть здесь в посаде просвещенные друзья искусства, актеры-любители, то есть вы и ваш супруг, – и вот я у ваших ног.

Котомцев выпрямился во весь рост, заложил руку за борт пиджака и поклонился.

– Примите под свое покровительство, протяните руку товарищам по искусству и своим влиянием и участием в спектаклях помогите голодающим артистам, – сказал он и прибавил: – Говорю прямо – голодающим, ибо, если мы не поста-

вим здесь спектаклей, не возьмем хоть каких-нибудь сборов, нам не только не выехать куда-нибудь отсюда, но и пить-есть будет не на что.

– С удовольствием, с удовольствием... – заговорила лесничиха, вся вспыхнув и протягивая руку Котомцеву. – Мы с мужем сделаем все, что возможно. Ах, как жалко, что его нет дома и он в отъезде! Но он дня через два вернется. Должна вам сказать, что я большая любительница играть. Я воспитывалась в Петербурге и много, много играла на любительских сценах, но вышла замуж, и судьба забросила меня в здешнее захолустье. Впрочем, и здесь время от времени мы даем спектакли. На Пасхе я давала спектакль, в прошлом году на святках...

– Прошу и у нас принять братское участие, – перебил ее Котомцев. – Но прежде всего залу, залу для сцены! Потом декорации...

– Непременно, непременно... У нас есть даже небольшой кружок любителей... Нотариус, мой муж, дочь нашего дьякона, учитель, учительница. Вот их можно на маленькие роли. Учитель очень хорошо суфлирует.

– Учитель суфлирует? Ольга Сергеевна! Вы меня оживляете! – воскликнул Котомцев. – А мы приехали сюда без суфлера. Суфлер у нас был, хотел ехать с нами, но перед самым отъездом с ним сделалась белая горячка от пьянства, и мы отправили его в больницу. Но зало, зало... Прежде всего зало.

– Зало будет. Голова не смеет не дать. Мы на него насядем, – отвечала хозяйка. – Тут есть и некоторые полированные купцы-лесники из бывалых в столицах... И они насядут на голову. Но я не понимаю, зачем вам залу в ратуше брать? Здесь мы играем в старом здании мыловаренного завода. Там и сцена есть. Мы там четыре раза играли.

– Вот видишь, видишь!.. – воскликнул Сулов.

– Да... Но ведь это, говорят, за городом... – сказал Котомцев.

– Так что ж из этого? Это даже лучше. Будут партидеплизир... – отвечала хозяйка.

– Я за сборы опасуюсь, уважаемая Ольга Сергеевна. Ведь это далеко. Не каждый поедет.

– Всего только полторы версты. А сборы будут, если постараться. Здесь билеты надо навязывать, раздавать силою, а уж мой муж и я постараемся. А для купеческих сынков, знаете, это даже и лучше, что спектакли не в самом посаде. На глазах родителей, может быть, они будут стесняться, а там-то уж дело заглазное... Ведь у нас здесь после спектаклей непременно нужно и танцевальный вечер устроить. Право, я советовала бы вам на мыловаренном заводе остановиться. Вы думаете, что он холодный? Он отопляется. Там чугушки есть. Впрочем, мы и в мыловаренном заводе, и в ратуше попробуем. И там, и тут... А теперь, господа, нельзя ли вам предложить чаю, кофе, выпить, закусить? – весело предложила хозяйка. – За всякой трапезой как-то оживленнее идет

беседа.

– Я не прочь... – сказал Котомцев.

– А я так даже с превеликим удовольствием, – подхватил Суслов.

– Так я сейчас распоряжусь.

И хозяйка вышла из гостиной.

III

От лесничихи Котомцев вернулся домой повеселевший.

– Дело-то ведь налаживается, – сказал он жене. – Был у лесничихи, ездил с ней на мыловаренный завод. Ужасное помещение, но все-таки спектакли давать можно. Есть две комнатные декорации, есть лесная, есть изба. Портала никакого, но подмости есть, занавеса тоже нет – придется из ситцу делать.

– Господи! Да уж хоть как-нибудь-то давать спектакли! – вздохнула жена и бросила взор в угол на икону в старом потемневшем, красного дерева киоте.

– Но все-таки рублей двадцать пять – тридцать приспособления будут стоять, а откуда мы их возьмем? – задал вопрос Котомцев. – Во-первых, портал из дюймовых досок, надо его краской закрасить или задрапировать его чем-нибудь. Во-вторых, крупного рисунка мебельный ситец на занавес. В-третьих, лампы нужны для освещения и хоть два-три ряда стульев для публики. В мыловаренном сарае ничего нет. Одни голые стены. Да... Тридцать – сорок рублей денег необходимо, а у нашего товарищества, если все карманы вывернуть, и то красненькой бумажки не наберется. Что бы заложить такое?

Он сел на диван, взбил шевелюру и в задумчивости стал чесать в затылке.

– Объяви о спектакле заранее, развесь афиши, начни продавать билеты. Первый сбор и пойдет на приспособления, – посоветовала жена.

– Странная ты женщина! Ведь и на афишу надо деньги. Ведь и афишу без денег не выпустят из типографии. Разве только лесничиха поможет? Вся надежда на лесничиху. В ней какого-то доброго гения нам судьба посылает. Приняла с распростертыми объятиями, накормила, напоила, в мыловаренный этот завод со мной съездила, обещала даже выхлопотать у хозяина завода позволение даром играть там. Завтра к тебе с визитом приедет.

– Ну, вот ее и попроси, чтоб она за тебя поручилась. Боже мой! Неужели не поверят каких-нибудь два десятка досок в долг, два-три куска мебельного ситцу!

– И поверят, так все-таки без наличных денег ничего не поделаешь. Надо хоть красненькую бумажку на руках иметь на мелкие расходы. Слушай, Таня, я заложу костюм Гамлета. Ведь все равно Гамлета нам здесь не играть.

– А много ли тебе за него дадут? Пяти рублей не дадут.

– Ну, как возможно не дать! Все-таки трико шелковое, плис, плащ из драдедама, шпага... Я считаю, там черного плиса на пять-шесть фуражек можно выбрать.

– Ты лучше знакомься скорей со здешними-то жителями. Знакомство все делает. Познакомишься – сейчас и кредит. Тогда, может быть, и занять можно будет у кого-нибудь пятнадцать – двадцать рублей.

– Да где знакомиться-то? Ни клуба, ни какого-либо общественного места. Разве в трактире? Хорошо. Пойду сейчас в трактир.

Котомцев взял шляпу и хотел уходить, но остановился в дверях.

– Вы ели что-нибудь сегодня? – спросил он жену и свояченицу, молоденькую девушку лет восемнадцати, перешивавшую что-то у стола при свете лампы.

– На пятиалтынный булок съели с чаем. Два раза самовар требовали, – отвечала жена.

– Ну, так я вам пришлю сейчас из трактира порцию селянки на сковородке. А я давеча у лесничихи ел. Ужасно радужная хозяйка. И маринованную рыбу на стол поставила, и ветчину, закуски разные, наливки полон стол. Ты знаешь, Суслов у ней в лоск напился, так что мы его и с собой не взяли, когда ездили смотреть мыловаренный завод.

– Пьян, да практичен! Ведь вот о лесничихе он узнал, а не ты. А ты два дня живешь здесь, и не успел еще ни с кем познакомиться. Ужасно ты какой-то вялый и несообщительный, – сказала жена.

– Таня! Что за попреки! Я не нахален – это верно, но где случится, в несообщительности меня обвинять нельзя.

– А для успеха даже нужно нахальство, в особенности в нашем актерском мире. Только нахалы и пользуются успехом. Ну, ступай, ступай в трактир.

Котомцев вышел в коридор и спустился в трактир, нахо-

дящийся при гостинице. Там, около буфета, за столиком, перед бутылкой водки и остовом какой-то жареной рыбы, сидели резонер Днепровский, коренастый и плотный человек с седой щетиной на голове и несколько бульдогообразным лицом, и простака Безымянцев, мужчина лет тридцати пяти, белобрысый, бесцветный, с рыбьими, как бы оловянными глазами. Одет он был в сапоги с высокими голенищами и в австрийскую серую куртку со стоячим воротником и с зеленой оторочкой. С ними сидел очень масленого, елейного вида рыжеватый, лысенький и подслеповатый бакенбардист средних лет, в клетчатой пиджачной парочке и синем галстуке.

– А! Вот и наш директор! – воскликнул Днепровский при входе Котомцева. – Ну что, как наши дела?

– Дела как сажа бела, но все-таки в воскресенье можно первый спектакль поставить, – отвечал Котомцев.

– Где? В мыловаренном храме славы?

– Ах, уж и ты знаешь о здешнем мыловаренном храме?

– Как же, как же... О всем известился, съездил даже и в это мыловаренное обиталище Талии и Мельпомены. Вот новый благоприятель свез... – кивнул Днепровский на рыжеватого елейного господина. – Позвольте вас познакомить. Здешний нотариус...

– Евлампий Петрович Буканин. Артист в душе... – подхватил елейный господин и протянул Котомцеву руку.

Отрекомендовался и Котомцев.

– Директор-распорядитель нашей труппы, – прибавил

Днепровский. – На него все наши надежды. В его руках будет и репертуарная часть, и денежная. Ну что ж, присаживайся к столу. Водка еще есть, но уж закуска в умалении.

– А мы еще чего-нибудь спросим, – откликнулся нотариус. – Чего прикажете, господа, на закуску?

– Да похлебать бы чего-нибудь, а то целый день в сухоматку... – проговорил Безымянцев.

– Рыбной селянки прикажете?

– Вот, вот... Да хоть пару пирогов дутых на четверых.

– Арефьич! Изобрази! – крикнул нотариус буфетчику. – Да подать сюда селедку.

– Я, господа, водки пить не стану, – сказал Котомцев.

– Ну?! С чего же это так? Нельзя... Для первого знакомства надо.

– Надо, надо... – подхватили Днепровский и Безымянцев. – Евлампий Петрович все равно что товарищ. Может быть, ему придется быть звеном нашей труппы. Актер ведь.

– Я все, господа... И актер-любитель, режиссер, чтобы за выходами следить, и суфлер, и кассир, и ламповщик. Куда хотите, туда меня и ткните. Рад поработать для вас и для искусства.

– Храм-то искусства только уже очень плох, – сказал Котомцев.

– Э, что тут! Только бы сборы брать! – махнул рукой Безымянцев. – Мы под Петербургом, на даче играли раз даже в дровяном сарае, а публику на дворе под парусинный на-

вес посадили. Быть бы только здорову да попасть в Царство Небесное, а помещение что!

Подали селедку. Нотариус разливал по рюмкам водку.

– Приспособим вам этот мыловаренный завод для спектаклей, отлично приспособим. Вы уж положитесь на меня, – говорил он. – А теперь, господа, за ваш будущий успех!

Все взялись за рюмки.

IV

– Позвольте... Но что же вы думаете ставить для первого спектакля? – спросил Котомцева нотариус.

– Ох, уж и сам не знаю, что!

Котомцев запустил руку в волосы со лба, провел ее до затылка и стал чесать затылок.

– А какие у вас больше пьесы любят: ковровые или полушубные? – задал вопрос резонер Днепровский нотариусу.

– То есть как это ковровые? – недоумевал нотариус.

– Ах да... Ведь вы наших театральных терминов-то не знаете. Ковровыми пьесами называются пьесы с великосветскими действующими лицами, ну а полушубными – пьесы из мужицкого и купеческого быта, – пояснил Днепровский. – Так вот, которые больше любят?

– Как у нас могут что-нибудь любить, ежели в год бывает один-два любительских спектакля, а два года тому назад и никаких спектаклей не было. Спектакли у нас только лесничиха ввела, когда приехала к нам с мужем.

– Тогда для такой публики ковровые пьесы, пожалуй, лучше, – проговорил Днепровский.

– Лучше... Ты знаешь, что ковровые пьесы нам ставить нельзя, – отвечал Котомцев.

– Отчего? – спросил Днепровский.

– Отчего, отчего... Станный вопрос! Послушайте, вы в

душе артист, стало быть, и друг актеров... Могу я говорить откровенно при вас? – отнесся Котомцев к нотариусу.

– Говори, говори... Евлампий Петрович – человек-рубашка, – дал за него ответ Днепровский и хлопнул его по плечу.

– Оттого, что наши дамы все перезаложились еще в Петербурге и приехали без костюмов. Ведь в будничных шерстяных и ситцевых платьях ковровые пьесы играть нельзя. Чудак! Еще спрашивает!

– Моя жена два великолепных шелковых платья привезла... – похвастался Безымянцев.

– Это твоя. Да и то врешь! А моя жена и моя свояченица сюда приехали ни с чем. Ты знаешь, мы все лето без ангажемента просидели. Ведь нужно было пить-есть, – сказал Котомцев. – Нет, уж придется на полушубных пьесах выезжать, да так, на водевильчиках.

– Да полушубные пьесы для нашей публики и лучше, – проговорил нотариус. – У нас какая публика? Простой серый купец: дровяник, лесопромышленник, лавочник, хлебник. Кто овсом торгует, кто телят скупает, кто кабаки и трактиры держит. А что насчет вашей откровенности, – прибавил он, – то можете быть смело уверены, что я никогда не злоупотреблю вашей откровенностью. Смотрите на меня как на друга, на истинного друга, готового всем вам помочь и словом и делом.

– Ну, спасибо.

Котомцев протянул нотариусу руку. Нотариус сделал

елейное лицо, прищурился, наклонил голову набок, взял руку Котомцева в правую руку и потряс ее, прикрыв левой.

– Поставьте тогда для первого спектакля что-нибудь из Островского, – сказал он Котомцеву.

– Непременно надо из Островского. «Грех да беда на кого не живет» хорошо бы поставить, но у нас любовника нет. Был и сговорился ехать с нами любовничек один безместный, но накануне отъезда получил телеграмму с ангажементом куда-то на Волгу и сбежал. Бабаева и некому играть.

– Позволь! Да вот тебе любовник! Вот тебе Бабаев! – воскликнул Днепровский и указал на нотариуса. – Сыграешь Бабаева?

Нотариус покраснел.

– Ежели это, господа, роль маленькая, ничтожная... – начал он.

– Неужели вы пьесы Островского «Грех да беда» не знаете! – удивился Котомцев.

– То есть, как вам сказать... Я знаю, я, кажется, читал, но...

– Какой же вы, батюшка, артист в душе после этого, ежели Островского не знаете!

Котомцев всплеснул руками.

– Знал, но забыл... – совсем уже сконфузился нотариус. – Нельзя же все помнить.

– Сыграет, сыграет! – махал руками Днепровский. – Роль не ахти какая! Стоит ему только одеться получше, надеть на

голову парик, чтоб лысину прикрыть, я его набелю и нарумяню, и отличный Бабаев выйдет. Это молодой человек... То есть он может быть и не совсем молодым человеком, а просто красивый человек, который вызывает на свидание жену купца и заводит с ней интрижку, — пояснял он. — Любезничал ведь когда-нибудь с какой-нибудь барынькой? Целовался? Ну, вот и тут надо. Прости только, друг любезный, что я тебе говорю «ты». Не могу я в актерских делах разговаривать на «вы»... Претит... — хлопнул Днепровский по плечу нотариуса. — Ну, наливай! Выпьем на «ты».

— С удовольствием...

Нотариус начал наливать рюмки.

— Я не стану больше пить... — прикрыл свою рюмку рукой Котомцев.

— Нельзя. Видишь, человек поступает в нашу труппу и делается товарищем, — настаивал Днепровский. — И чтобы всем нам быть с ним на «ты».

Выпили. Выпил и Котомцев.

— Так сыграете? — спросил он нотариуса. — То бишь... Так сыграешь Бабаева-то?

— Ежели Алексей Павлыч говорит, что сыграю, то отчего же... — кивнул нотариус на Днепровского. — Извольте. Повторяю, я для артистов на все готов.

— Да вы... да ты играл ли когда-нибудь?

— Все три раза у Ольги Сергеевны играл. У лесничихи то есть. Лесничиха только три спектакля здесь и ставила. В пер-

вый раз я играл в водевиле «Мотя», а потом...

– Да что тут расспрашивать! Сыграет... – перебил Днепровский. – Покажем, поучим... «Грех да беда» – самая удобная пьеса... Я – Архип... Котомцев – Краснов... Безымянцев – Афоня. Не отменять же оттого, что нет у нас любовника. Любовник во всякой пьесе нужен, – говорил он и спросил Котомцева: – Ну, так первый спектакль, стало быть, в воскресенье?

– Да... Но ведь вот надо досок на кой-какие приспособления в театре... На скамейки, на портал... Нельзя ли, Евлампий Петрович, как-нибудь добыть штук двадцать – тридцать досок в долг до первого представления? – сказал Котомцев.

– Досок? – встрепнулся нотариус. – А вот мы сейчас... Досками торгует наш голова. У него лесной двор. Эй! Василий! – крикнул он полового. – Кажется, в бильярдной сын нашего головы. Позови его сюда.

Половой хлопнул себя по бедру салфеткой, побежал в бильярдную и тотчас же вернулся.

– Сейчас идут-с...

В буфетную вошел совсем еще юноша в серенькой пиджачной парочке и синем галстуке, розовый, полненький, с только еще пробивающимся пушком на подбородке.

– Василий Никитич Мелетьев, – отрекомендовал его нотариус. – Вот, Вася, позволь тебя познакомить с приезжими артистами.

Актеры назвали свои фамилии и протянули юноше руку.

Тот так и зарделся как маков цвет.

— Господам артистам нужны доски для театра, так пришли-ка с вашего двора на мыловаренный завод завтра поутру, — продолжал нотариус. — А деньги потом...

— Штук пятнадцать дюймовых на портал да штук пятнадцать потолще на скамейки, — сказал Котомцев.

Юноша вспыхнул еще больше.

— Я не знаю, как папенька, — проговорил он.

— Да ты отца-то и не спрашивайся. А пришли, да и делу конец!.. — проговорил нотариус.

— Послушайте, да ведь мы заплатим, из первого сбора заплатим, — вставил Котомцев.

— А хоть бы и не заплатили, — подхватил нотариус. — Да чего ты, Васька, срамишься? Ты отцу и говорить ничего не должен, а рано утром, до его прихода на двор, навали на воз досок и посылай. Дурак! Ты должен за честь считать, что к тебе артисты обращаются. В первый раз к нам в Гусятниково артисты приехали, а ты свинью из себя разыгрываешь!

Нотариус уже кричал на юношу. Тот опешил.

— Да я готов-с... Я все чувствую... Хорошо-с... Пришлю... А только уж вы, Евлампий Петрович, бога ради, не проговоритесь папаше.

— Ну, вот! Что я? Дурак, что ли? Доски будут, — кивнул нотариус актерам, а юноше сказал: — Ну, садись... Выпей рюмку для первого знакомства с артистами.

Юноша робко приткнулся к столу.

V

Еще выпили.

Котомцев радостно потирал руки.

– Ну, слава богу, с лесом для театра устроились, – говорил он. – Теперь бы только насчет ситца для занавеса. Занавес нужно или из мебельного ситца сделать, или из цветного коленкора.

– Валяй из красного или зеленого коленкора, – посоветовал ему Безымянцев. – Актрисы наши его сошьют, а я вырежу из золотой бумаги лиру и наклею ее посередине занавеса. Так будет приличнее. А из мебельного ситца, так на перегородку в номере гостиницы будет смахивать.

– Ну, а где бы нам этим коленкором раздобыться? – спросил Котомцев.

– Коленкор в суровской лавке Глоталова, – отвечал сын городского головы, сделавшийся несколько смелее от выпитой рюмки водки.

– Да, у Глоталова или Аленкина, – прибавил нотариус. – Вы погодите... Через полчаса или через час, наверное, этот самый Глоталов сюда придет. Ведь здесь в трактире по вечерам почти все наши крупные обыватели собираются. А не придет он, так мы за ним пошлем в лавку слугу.

Подали рыбную селянку. Все принялись за еду. В буфетную комнату вошла купеческая фигура в чуйке на лисьих

бедерках и в картузе. Это был средних лет человек с клинистой бороденкой.

– Да вот он на помине-то легок! – воскликнул нотариус. – Глоталов! Поди сюда. Дело есть.

– Дело? Дело не медведь, в лес не убежит, – весело проговорил Глоталов, снимая с себя чуйку и передавая ее полотову. – Садил ли редьку-то сегодня?

– Брось свои прибаутки и иди сюда. Вот, прежде всего, познакомься. Господа актеры.

Актеры встали и назвали свои фамилии. Последовало рукопожатие.

– Очень приятно... – сказал Глоталов. – Цирк сюда приехал к нам, так со всеми акробатами и клоунами пил, а с актерами выпивать еще не трафилось.

– Вот господам артистам нужно зеленого или красного коленкора на занавес для театра, – указал нотариус.

– Что ж, это все в наших руках. Вот редьку посадим – и дело сделаем.

– Ты дело-то сделай так, что коленкор им дай, а деньги билетами на представления в театре заберешь. Богатый ты здесь обыватель, домовладелец, так должен искусство поддерживать.

– А может быть, они захотят у меня всю лавку на билеты сменять, тогда что? – прищелкнул языком Глоталов.

– Нам только на занавес. Ну, аршин полтора – двести, – пояснил Котомцев.

– Ой-ой-ой! Да ведь это четвертной бумажкой пахнет.

– Да мы заплатим, заплатим вам. Можете и не сменяться на билеты. А только заплатим после первого представления.

– Из выручки, значит. Так...

Глоталов улыбнулся и спросил:

– А кралечек с собой привезли? Познакомите с канашками, так...

– Какие тут кралечки! Какие канашки! Люди с женами приехали! – крикнул на него нотариус.

– С женами? – протянул Глоталов. – Ну, пардон. А только зачем же вы, ребята, с женами ездите? Ведь это кислота. То ли дело купоросные барышни!

– Ты, братец, совсем не так понимаешь. Ты по цирку сушишь. Тут возвышенное искусство. Тут совсем другое дело. Такими словами ты только обижаешь.

– Ну, пардон. А я думал...

– Так вот, коленкору надо. Половину денег ты получишь после спектакля, а половину билетами заберешь.

– Отпустим. Сойдемся. Сади редьку-то! Что ж рюмки пустые стоят!

Нотариус опять налил. Выпили.

– Позвольте, господа, уж теперь от меня лимонаду с коньяком для первого знакомства... – предложил сын головы.

– Ай да Вася! С чего это ты раскутился? – воскликнул Глоталов. – А не боишься, что отец «Травиату» из русских

песен на твоей голове сыграет?

– Ставь, ставь! Угощай бедных артистов! – хлопнул его по плечу резонер Днепровский. – За это тебе сторицею воздастся.

Сын головы приказал подать коньяку и лимонаду. Котомцев сидел и перечислял:

– Два дела сделано. Лес есть, занавес есть. Теперь мебель на сцену, лампы для освещения театра и сцены...

– Мебель? – проговорил нотариус. – Вот насчет мебели у нас плохо.

– Позволь... Да какая же такая особенная мебель в «Грех да беда»? Ведь мы «Грех да беду» ставим. Четыре стула, стол, шкафчик – вот и все... – возразил Днепровский.

– Однако ведь надо еще и водевиль поставить. Кроме того, придется и другие пьесы давать. Ведь не один же спектакль мы дадим.

– Мебель придется здесь по домам собирать. Мебельной лавки здесь нет, – заявил нотариус. – Впрочем, кой-какую мебелишку я от себя дам. Надеюсь, и лесничиха не откажет.

– Желаете двухспальную кровать? Жертвую. У меня после покойницы жены осталась! – воскликнул Глоталов.

– Ха-ха-ха! Да на что нам двухспальную кровать? – разразился хохотом Безымянцев. – Нам нужно мягкую гостиную мебель.

– Да и не одну гостиную. Нужно и в зрительную залу три-четыре ряда стульев поставить, – прибавил Котомцев.

– А это уж придется у головы из ратуши попросить. Больше взять негде.

– Вася! Это уж твое дело! Сваргань! – хлопнул Глоталов по плечу сына головы. – Или боишься отца?

Юноша опять сконфузился и замялся.

– Действительно, у нас папенька на этот счет на манер вампира... – тихо произнес он, потупя взор при виде обращенных на него взглядов актеров.

– Нет, нет. Не требуйте от него, господа, этого... – сказал нотариус. – Пусть уж он только лес доставит в театр, а стулья для театра у головы лесничиха Ольга Сергеевна Гусина выпросит. Насчет стульев у нас, впрочем, было просто, когда мы любительский спектакль ставили. Два ряда стульев из ратуши было, действительно, поставлено, а потом, когда билеты на эти стулья были проданы, то всем объявили, что кто хочет в стульях сидеть, то пусть только платит деньги за билеты в стулья, а стулья свои пришлет. Так и делали. Присылали с прислугой свои стулья, а потом и сидели на них.

Подали лимонад и коньяк.

VI

Котомцев хоть и отказывался от водки и вина, но так как угощали его все нужные люди, то пришлось выпить изрядно, так что в номер к себе поздно ночью вернулся он значительно захмелевший. Жена и свояченица уже спали. Он постукался. Ему отворила жена. Она была босиком, в рубашке и ночной кофточке.

– Пьян? И не стыдно это тебе! – воскликнула она, видя при свете свечки его красное лицо и чувствуя сильный спиртной запах.

– Да ведь сама же ты послала меня в трактир знакомиться со здешней публикой, – отвечал заплетающимся языком Котомцев. – А трактирное знакомство без выпивки – невозможно.

– У вас все невозможно! Срамник... Бесстыдник... Смотри, даже шатаешься!

– Зато много дела сделал. Занавес есть, портал есть, афишки будут. Вот даже два стула в первом ряду на первое представление продал.

Он вынул из брючного кармана скомканные трехрублевку и рублевку и бросил их перед женой на стол.

– Швырай деньги-то, швырай! Много их, должно быть, у тебя.

– Я чтоб тебе показать.

– Много ты помнишь обо мне! Как же! Селянки-то порцию мне с Дашей только пообещал прислать из трактира, да так и забыл.

– Таня! Прости! Голубушка, прости! Действительно, забыл, – хлопнул себя Котомцев ладонью по лбу. – Пришел в трактир – наши актеры сидят и пьют с публикой. Один пристает, другой пристает...

– А мы с сестрой ждем, голодом сидим. Уж в двенадцатом часу ночи велели подать себе самовар и напились чаю с булками. Третий день не обедаем. Такая жизнь несносна.

– Но отчего же вы сами не спросили себе селянки? Отчего не послали в трактир коридорного?

– Бережем твои финансы. Думаем, не прислал ты, так уж почему-нибудь рассчитываешь. Городишко глухой... Бог знает, возьмем ли еще здесь какие-либо сборы.

Последние слова жена говорила уже лежа в постели. Она и ее сестра спали за альковом, на кровати. Котомцев раздевался и укладывался во второй половине комнаты на диване. Не было ни простыни, ни одеяла. Он улегся на свою красную кумачовую подушку без наволочки, прикрылся пледом и докуривал папироску.

– Первый спектакль в воскресенье... – говорил он жене. – Ставлю «Грех да беда» Островского. Тебе Татьяну играть. Ситцевое и шерстяное простенькое платье у тебя есть. Для лесничихи надо будет водевиль пристегнуть. Роль Бабаева навязали нотариусу. Завтра афишу составим. Виделся с жи-

дом-типографщиком. Он же и здешний ростовщик. Просил его выкупить твои заложенные в Петербурге платья. Показывал квитанции. Ведь надо же выкупить тебе платья. Без платьев и играть нельзя.

– Ну, и что же? – спросила жена.

– Ростовщик-то? Ни да, ни нет. «Надо, – говорит, – видеть, какой будет первый сбор в театре». Стало быть, ко второму спектаклю уж нечего рассчитывать платья иметь.

– И к третьему, должно быть, не увидишься с платьями. Ужасный городишко! Я прошла вчера с Дашей по улицам. Десятка полтора хороших домов, а остальное лачуги да избы. Все беднота. Кому тут в театр ходить!

– Говорят, надо мировому судье визит сделать. Все от него зависит. Сказывают, тут как-то на Масленой приезжал фокусник и чревоушатель и первое представление устроил у мирового на дому, разумеется, даром, так тот ему потом весь город согнал на его вечера, а вечера он давал в здешнем училище. Два вечера дал, и зал был битком.

– Вот видишь, и фокусник давал представление в училище, а ты хочешь играть в каком-то мыловаренном заводе, за городом.

– В училище сцены негде поставить. Фокусник давал представления в классе. Ему сцены не нужно. Да и все здешние нам советуют, чтобы мы играли в мыловаренном заводе. После спектакля – танцевальный вечер.

– Ну, спи. Завтра поговорим.

Котомцев заснул.

Наутро обитатели номера проснулись от сильного стука в дверь. Стучал комик Суслов и кричал:

– Эй, вы, сонные тетери! Отворяйте брату двери!

– Суслов! Это ты?

– Я, я, я... Отворяйте. Театральный сбор несу. Вчера сорвал с одного портерщика рубль за билет на первый спектакль и выдал ему предварительную расписку.

– погоди, мы еще спим. Дай жене и свояченице одеться. Который час?

– «Седьмой, восьмой, девятый... Ах, Амур проклятый!.. И страх их не берет!» – отвечал Суслов, цитируя из «Горя от ума».

– Танечка! Даша! Вставайте... – сказал Котомцев жене и свояченице. – Суслов стучится. Он деньги принес.

– Пусть входит. Мы за альковым оденемся.

Котомцев отворил дверь. Вошел Суслов. Лицо его было бледно и опухши, глаза красны.

– Эх у тебя рожу-то перекосило! Хоть сейчас с тебя черта писать егорьевскому коню под ноги, – сказал Котомцев.

– Зато дело сделал. По всем портерным и трактирам огласил, что приехала драматическая труппа и будет давать представления. Ведь газет здесь не издается, так надо же как-нибудь оповещать до афиши. Вот даже рублевое место тебе продал. Получай рубль целковый.

– Да как тебе деньги-то поверили? Мало ли кто придет в

портерную и назовется актером.

– А вот поверили. И даже даром пивом употчевали, так употчевали, что на лошади и в гостиницу меня привезли. Это сын одного здешнего кабатчика и трактирщика. Две портерные лавки, кроме того, дровяной двор у них. Прекрасный саврасик. Подседов его фамилия. Сам просится играть с нами. «Мне, – говорит, – хоть только на сцене постоять». А я ему говорю: «На сцене стоять – стой, но чтобы каждое представление билет на место покупать». И вот он дал рубль за место.

– Послушайте, Суслов, богатый он? – спрашивала из-за алькова Котомцева, всплескиваясь водой из умывальника.

– Да должно быть, что тятка его при капитале. Торгуют, свой дом имеют.

– А нельзя ли у него денег занять, чтобы мои костюмы в Петербурге из ломбарда выкупить?

– А вот подберем его к рукам, так, может быть, будет и можно.

– Голубчик, да ведь это надо поскорее. Мне играть не в чем.

– Желаете, я его самого к вам приведу? Он даже умолял познакомиться его с актрисами. Пококетничайте с ним. Пусть и Дарья Ивановна перед ним хорошенько глазками постреляет. Почем знать, может быть, в нем и свою судьбу найдет. Прикажете привести?

– Нет, нет! Не надо. Что за попрошайничество! – восклик-

нул Котомцев. – Будут дела в театре – и сами выкупим. У ростовщика просить денег – это я понимаю, но у публики...

– Дарье-то Ивановне не худо бы с ним заняться.

– Не люблю я сиволапых, – откликнулась свояченица Котомцева.

– Позвольте-с... Он вовсе не сиволапый. В губернской прогимназии два года учился и клетчатые брюки носит.

– Оставь, Суслов! Брось! – опять остановил комика Котомцев и спросил: – Так ты вчера после лесничихи все время по портерным и трактирам слонялся? Отчего же ты в здешний трактир не зашел?

– Не мог. Дошел до того, что только слово «мама» выговаривал. Привезли меня домой, уложили спать – и вот до утра... Проснулся – и к тебе. Пои меня чаем за то, что рубль на нашу странствующую братию заработал.

– А вот сейчас велим самовар...

Котомцев стал звонить коридорного.

VII

Часу в двенадцатом утра к Котомцевым приехала лесничиха. У Котомцевых в номере все еще «самоварничали» и толковали о предстоящем первом спектакле. Выпивали второй самовар. Собралась вся труппа. Котомцев писал афишу. Около него сидела сожительница Днепровского Настасья Викуловна Гулина, называющаяся, впрочем, женой Днепровского, сухая женщина неопределенных лет, и жена Безымянцева Софья Андреевна, полная, рослая, с черными усиками, совершенная противоположность своего мужа. Безымянцева немилосердно курила толстые папиросы-самокрутки, да и все курили, от чего в комнате был такой воздух, что хоть топор повесь, как говорится. За неимением в комнате стульев Суслов сидел на чемодане, Днепровский на подоконнике, а Безымянцев просто стоял.

При входе лесничихи все засуетились. Днепровский начал отворять фортку. Безымянцев побежал в свой номер за стулом. Котомцев бросился снимать с лесничихи шубку. Лесничиха была в прекрасно сшитом шелковом платье, браслетах, свежих перчатках и дорогой бобровой шапочке, что резко противоречило с убогими костюмами актрис.

— А я к вам нарочно пораньше, чтобы застать, — начала она. — По дороге заезжала к владельцу нашего разваливающегося мыловаренного завода и выхлопотала вам разреше-

ние ставить там спектакли даром. Он ничего не будет с вас брать за помещение, но выговаривает себе и своему семейству право бывать на спектаклях бесплатно.

Послышались благодарность, извинения за беспорядок и тесноту в комнате. Все поднялись с мест. Котомцев каждого представлял лесничихе, называя по имени и отчеству. Наконец лесничиха села на принесенный Безымянцевым стул и стала снимать с себя перчатки.

– Очень кстати, Ольга Сергеевна, пожаловали, – сказал Котомцев. – Мы вот афишу первого спектакля составляем. Идет у нас «Грех да беда на кого не живет» Островского.

– Ах, какая прелесть! – воскликнула лесничиха. – Я видела эту пьесу в Петербурге. Ведь там, кажется, муж убивает жену?

– Да, да. Ведь это известная пьеса... И вот я буду убивать свою Татьяну Ивановну. По пьесе жена Татьяна, и моя жена Татьяна. Эта пьеса, Ольга Сергеевна, у нас уже готова, там ролей для вас нет, но нам все-таки непременно хотелось бы, чтоб вы участвовали в первом спектакле. Какой водевиль для вас поставить?

Лесничиха сначала заломалась.

– Ах, нет, нет... – заговорила она. – Играть без меня первый спектакль. Я потом... Я в один из следующих спектаклей, и то ежели у вас некому будет поручить какую-нибудь роль.

– Позвольте... Но нам именно хотелось бы вас привлечь

на первый спектакль. Вы здесь лицо известное и можете нам дать полный сбор.

– Нельзя ли как-нибудь без меня обойтись? Я посмотрю сначала, пригляжусь.

– Как обойтись? Идет драма... Спектакль надо заключить водевилем. Мы все заняты в драме. Нет, уж как хотите, а назначьте себе какой-нибудь водевиль. Ведь вы же обещались играть у нас.

– Да, да... Пожалуйста... – заговорили актрисы.

– Мамочка... Голубушка... Не отказывайтесь... Я на колени стану... – произнес комик Суслов, скорчив преуморительное лицо и подходя к лесничихе.

Лесничиха начала сдаваться.

– Право, я не знаю, как... Ведь вот мой муж еще не вернулся из объезда... – сказала она.

– Что муж! Мужа надо держать в подчинении, – проговорила Безымянцева, пустив изо рта густую струю папиросочного дыма. – Вон я как своего Алешу держу! Он против меня пикнуть не смеет.

– Назначайте, назначайте какой-нибудь водевильчик, – торопил лесничиху Котомцев.

– Но я совсем не знаю водевилей. Я так мало играла.

– Назначайте, что играли.

– Разве «Вспышку у домашнего очага»?

– Эта пьеса должна идти для начала, а не в конце. И наконец, у нас на роль мужа любовника нет. Подумайте что-

нибудь другое.

– «Соль супружества»...

– Опять молодой муж. В нашей труппе нет молодого человека. Был, но сбежал. Может быть, у вас есть какой-нибудь актер-любитель на роль молодого мужа?

– Я играла с нотариусом.

– Нотариус у нас играет ответственную роль Бабаева в драме.

– Ах, вот как... Но тогда уж я, право, не знаю... У нас есть еще учитель. Но нет, он не может...

– С учителем я вчера уже познакомился в здешнем трактире, и он взялся у нас суфлировать. Мы приехали сюда без суфлера.

– Ах, он отличный суфлер! А за выходами следить знаете кого возьмем? Ведь у вас, кажется, нет и помощника режиссера?

– Нет, нет. Нас самая маленькая, самая ничтожная труппа. Так кого вы предполагаете?

– Моего мужа. Он завтра приедет и будет к вашим услугам.

– Остается только поблагодарить, – сказал Котомцев. – Видите, господа, как все хорошо устраивается, – отнесся он к актерам и опять спросил лесничиху: – Но как же с водевилем?

– Тогда уж назначайте сами.

– Послушайте... Ведь вы поете. Мне говорили, что у вас

отличный голос. Не хотите ли вы сыграть «Дочь русского актера»?

– Ах, я знаю этот водевиль, и даже играла его на домашнем спектакле в Петербурге.

– Ну, вот и отлично. Мужские роли исполняют Суслов и Днепровский.

– С наслаждением! – откликнулся Суслов и запел окончание куплета из водевиля: – «С печатью чистую отста-авку»...

– Так можно ставить на афишу? – спрашивал Котомцев.

– Ах, уж и не знаю, право... Мне кажется, я стара теперь для этой роли.

– Вы, Ольга Сергеевна, напрашиваетесь на комплименты, а это уж не по-товарищески.

– А у вас есть ноты куплетов?

– Тапер подберет. Я вчера с ним познакомился в трактире. Это, оказывается, прекрасный малый, хоть и из жидков. Способности удивительные. Судите сами: часовых дел мастер, настройщик, тапер, учитель музыки и даже свой собственный инструмент в театре поставить предлагает. Вчера уж я с ним покончил насчет спектаклей. Он подберет аккомпанемент.

– Куплеты я ему напою. Я твердо знаю! – крикнул Суслов. – Соглашайтесь, барынька милая. Водевильчик на ура отмахаем.

Лесничиха вся вспыхнула и отвечала:

– Ну хорошо. Ставьте.

– Вот и прекрасно! Вот и отлично! Первый спектакль, значит, будет на славу! – восклицал Котомцев. – Дай бог только сбор хороший. Сегодня же потащим афишу в типографию, завтра расклеим.

– Штук двадцать пять билетов мы с мужем раздадим, – сказала лесничиха. – Потом я съезжу к мировому судье и попрошу его порассовать билеты.

– Ах да... И мне нужно сделать завтра визит мировому судье. Мне сказывали, что он много может помочь спектаклям.

– Да, да... Непременно съездите. Он многое может сделать.

– Голубушка! Как я рад, что вы согласились играть! – восклицал Котомцев, протягивая руку лесничихе. – Дайте вашу ручку поцеловать за это.

– Что я могу, от того я никогда не отказываюсь. Я уже сказала, что я друг искусства, друг артистов, – отвечала лесничиха. – И вот, господа, мое приглашение: мой дом – ваш дом. Всегда, во всякие часы, милости просим к нам, и я и муж будем очень рады. Репетиции даже можете у нас делать, чтобы не ездить каждый раз на мыловаренный завод. Ведь он за городом.

Актеры кланялись и благодарили.

Вбежал нотариус. Он был запыхавшись и, наскоро познанившись с актрисами, проговорил, еле переводя дух:

– Сейчас схлопотал стулья для театра у головы. Две дюжи-

ны стульев дают из ратуши, две дюжины из училища. Привозить их будут в театр каждый раз перед спектаклем. Лошадь для перевозки дает наш кабатчик Подседов. Мебель для сцены получим с винокуренного завода из хозяйской усадьбы. Хозяева по зимам ведь не живут в усадьбе – и вот я уговорил управляющего. Есть и мягкая отличная мебель, есть и жесткая. Управляющий просил только, чтобы поосторожнее, чтобы не поломать.

– Спасибо тебе, милейший Евлампий Петрович, спасибо!

Котомцев раскрыл свои объятия, заключил в них нотариуса и звонко поцеловал его.

VIII

На следующее утро была репетиция в «театре». По улицам посадка бегал рассыльный жиденок из типографии и расклеивал афиши на видных местах. В кассе, то есть в сенях мыловаренного завода, где были две двери – одна в бывшую контору завода, а другая в самый мыловаренный завод, а ныне театр, сидел за столиком сам содержатель типографии, отпечатавшей афиши, еврей Аарон Моисеевич Варганчик. Это был пожилой человек с необычайно длинной и косматой бородой в проседь, в гороховом потертом пальто и черном плисовом, значительно уже побуревшем картузе. Афиши он только при тех условиях и согласился напечатать в долг, чтоб самому сидеть в кассе и взять из сбора за проданные билеты первые деньги за напечатание афиши. Тот же Варганчик откупил у артистического товарищества и вешалки для сохранения верхнего платья, буде ежели кто из публики пожелает раздеться. Сам Варганчик обязался вбить гвозди в стену в сенях, приставить людей, за сохранение верхнего платья брать пятиалтынный, а товариществу выплачивать из этого пятиалтынного пятак. Театральная зала была очень неприглядна, имела закоптелые бревенчатые стены, подшитый досками закоптелый потолок и походила скорей на этапное помещение для арестантов. Зал отапливался большой печью, где был вмазан громадный котел, и двумя

чугунками, от которых через всю залу шли железные ржавые трубы, привешенные на проволоках к потолку. В глубине зала, на противоположной стороне от печи, была сцена. Два плотника стучали топорами и делали к сцене портал, прибывая дюймовые доски, но это не мешало на сцене происходить репетиции. Репетировали водевиль «Дочь русского актера». Лесничиха, не успевшая за ночь выучить роль, читала ее по тетрадке. Учитель, согласившийся безвозмездно суфлировать на репетиции и на спектаклях, не мог сегодня суфлировать, ибо до полудня был занят в школе. Суфлировал Котомцев. Он сидел с книжкой на опрокинутом ящике спиной к зрительной зале и говорил лесничихе:

– Попробуйте без тетрадки... Попробуйте без суфлера... Ведь роль вы все-таки сколько-нибудь знаете.

– Нет, нет, не могу... – отвечала лесничиха. – Я до тех пор не могу идти по суфлеру, покуда совершенно не выучу роль. И, добрейший Анатолий Евграфович, я вас убедительно прошу завтра поставить декорацию на сцену. Никак я не могу репетировать без декорации, я собьюсь на спектакле, а ведь уже спектакль послезавтра.

– А я хотел просить вас позволить завтрашнюю репетицию устроить у вас на квартире: ужасно далеко ходить сюда нашим актрисам. Извозчики дороги, а грязь непролазная. Сегодня моя барынька даже калошу завязила в грязи, стала ее вытаскивать и вся, вся перепачкалась.

Лесничиха замялась.

– Дом мой всегда к вашим услугам, но как же декорации-то? Ей-ей, без дверей я не знаю, куда мне уходить и откуда выходить, – сказала она.

– Полноте, что вы! Суфлер подскажет, куда вам уходить, режиссер за сценой двери отворит. Наконец, в день спектакля у нас будет настоящая репетиция.

– Генеральная?

– Да, да... Генеральная, – улыбнулся Котомцев. – Можете даже в костюме репетировать.

– Ах, это непременно надо, непременно! Ведь это водевиль с переодеванием. Я должна рассчитать время, в которое могу переодеться. Ну-с, будемте продолжать.

– Пробуйте играть без тетрадки... – приставал Котомцев. Лесничиха попробовала, но сбилась и опять взялась за тетрадку.

– Хорошо, хорошо... Чего вы? Идите по суфлеру... – ободрял он ее.

– Нет, нет, нет. Без тетрадки я уж буду завтра.

Кончили репетировать водевиль. Актеры бросились в кассу. Там уже у столика стояли Котомцева и сожительница Днепровского Гулина.

– Ну, что? Как? На много ли билетов продали? – спрашивал Котомцев Варганчика.

Тот приподнял густые брови и пожал плечами.

– Вообрази, всего только на полтинник, – отвечала Котомцева. – И в самом деле, кого заберет охота тащиться такую

даль по грязи в театр за билетами!

– Ах... – улыбнулся еврей. – А вы еще хотите, чтоб я дал вам на выкуп вашего гардероба сорок рублей.

– Но ведь мы, Аарон Моисеич, отдаем вам вешалки, от которых вы и можете удерживать нашу треть дохода.

– Какое тут вешалку, ежели публика не будет!

– Да как же не быть-то! Ведь год здесь спектаклей не бывало.

– Ничего не значит. Здесь публика не такая. Зачем ей спектакль? Откройте винная лавка – и со всех сторон народ набежит.

– Никогда я не поверю, чтоб в первый спектакль не было хорошего сбора, но билеты, разумеется, будут брать в день спектакля, – говорил Котомцев.

– Нет, вот что надо сделать. Надо билеты продавать в посаде у кого-нибудь в лавке. Вот, например, у Глоталова в суровской лавке. Глоталов с удовольствием за это возьмется, – сказал нотариус.

– Пхе... А я этого не позволю... – заговорил еврей.

– Отчего?

– Должен же я за афиши деньги получить.

– Ты и получишь от Глоталова.

– Нет. Так нельзя.

Еврей крутил головой.

– Ну, а я покажу тебе, что можно. Давай сюда билеты и пошел вон из-за стола! – крикнул на него нотариус.

– Не ссорьтесь, не ссорьтесь с ним, Евлампий Петрович, – остановил нотариуса Котомцев. – Зачем ссориться? С Аароном Моисеичем лучше же в мире жить. Вы, Аарон Моисеич, можете так же продавать билеты, но только в вашей типографии. В следующих афишах вы даже так и печатать будете. «Билеты можно получать в типографии».

– Ну, это совсем другова дела. А сколько проценты за комиссию?

– Какая же тут еще комиссия? Вы наш контрагент, мы сдали вам вешалки...

– А буфет сдали Подседову, а не мне...

– Ничего мы еще не сдавали. Дадите вы подходящую цену, так и вам отдать можем.

– А сколько вы хотите за буфет от спектакля? Но чтоб последнего слова!..

– После, после поговорим. После репетиции... Вон учитель приехал. Сейчас начнем «Грех да беда» репетировать.

Учитель подходил к кассовому столу, здоровался с актерами и говорил:

– Два билета по семидесяти пяти копеек для нашей попадьи и поповны...

– Ура! Два рубля в кассе сбора! – крикнул Суслов, комически присел на корточки, стал себя бить руками по бедрам и запел «кукареку».

IX

Следующая репетиция, приходившаяся накануне спектакля, в субботу, была у лесничихи. Сам лесничий Вадим Семенович Гусин вернулся уже из отъезда и следил по сценариусу за выходами. Это был пожилой добродушный человек типа отставного военного с седой щетиной на голове, в усах и бакенбардах, коренастый, неладно скроенный, но крепко сшитый. Он был в венгерке нараспашку и с непрерывно дымящейся папироской, вправленной в черешневый мундштук. Вернувшись домой вчера вечером, он вечером же съездил в гостиницу, где остановились актеры, познакомился со всеми, со всеми выпил водки и уж Суслову, понравившемуся ему своими прибаутками, говорил «ты». Котомцеву, как распорядителю актерского товарищества, он прямо сказал:

– Ну, батенька, и заехали же вы в медвежий угол! Вряд ли вам придется у нас поправить свои делишки. Городишко без публики. Обыватели есть, а публики нет. Ну, да попробуем кой-кому рассовывать билетишки, будем силой сгонять на спектакли.

Репетиция происходила в столовой лесничего. Всех обносили чаем с коньяком. В углу на маленьком столике стояли закуска, водки и наливки. Дамы в антрактах между выходами, по перемене, шили на швейной машине лесничихи

занавес из зеленого коленкора, доставленного суровщиком Глоталовым. Репетиция шла вяло. Актеры были печальны. Утром Суслов побывал в типографии Варганчика и в лавке Глоталова, где продавались билеты на спектакль, и узнал, что сбору было всего только восемнадцать рублей. Их утешал нотариус и говорил:

– По-моему, восемнадцать рублей – очень хороший сбор. Вы разочтите то, что ведь спектакль еще завтра. Сегодня день и завтра день. Когда мы играли в прошлом году, то у нас билеты, главным образом, брали перед самым спектаклем. Приезжали в театр и брали. Наконец, неизвестен еще результат посланных билетов прямо на руки. Мировому судье у вас выдано на тридцать рублей билетов?

– Да, на тридцать, – отвечал Котомцев. – Но он мне сказал, что дай бог ему рассовать половину.

– Начальнику станции, на железную дорогу я послал на пятнадцать рублей – вот уж сорок. Сам он наверное будет в театре с семейством, наверное будет и начальник паровозного сарая. У городского головы на пятнадцать рублей билетов. Сами вы с рук продали на десять с полтиной. Ну, от продажи афиш рубля три-четыре получите. Но главная продажа перед спектаклем.

Настройщик и часовых дел мастер Кац, приглашенный играть в антрактах спектакля на рояле, ударил по клавишам и взял аккорды подобранной им музыки к водевилю «Дочь русского актера». Лесничиха запела куплеты. Все стали слу-

шать.

– Что, недурно? – спрашивала она, пропев куплет.

– Отлично, отлично... – отвечал Котомцев и зааплодировал.

Доложили, что пришел типографщик еврей Варганчик, стоит в прихожей и хочет повидаться с Котомцевым. Лесничий велел позвать Варганчика в комнаты. Тот отвел Котомцева в сторону и сказал:

– Ежели буфет в театре мне отдадите, то я согласен выкупить гардероб вашей жены.

– А сколько дашь мне аренды? Ведь трактирщик Подседов обещается мне по пяти рублей от спектакля платить, – отвечал Котомцев.

– Пхе... что вы! Разве этово можно! Вы должны быть с благодарностью к нам, что мы даром в ваш театр торговать будем. Даром торговать будем, а вам ваш гардероб из залога выкупим. У меня есть знакомый еврей в Петербурге, я pošлю ему вашево квитанции, и через пять-шесть дней гардероб будет здесь.

Котомцев позвал Днепровского, Безымянцева и Суслова на совет. Безымянцев потребовал, чтоб и гардероб его жены был выкуплен Варганчиком.

– Да ведь ты мне хвастался, что у твоей жены гардероб не заложен, – возразил Котомцев.

– Ну, нельзя сказать, чтобы весь не заложен. На тридцать пять рублей там есть у ней заложено.

– На тридцать пять! – воскликнул еврей. – Ай! Вай! Сорок пять ваш гардероб и тридцать пять от ихнева супруги – ведь это восемьдесят рублей.

– Ну и что же? Десять процентов тебе за хлопоты, буфет тебе сдаем, а ты нам за буфет пять рублей от спектакля...

Стали торговаться и покончили на том, что Варганчик будет платить товариществу за буфет по четыре рубля от вечера.

– Ну, давайте квитанции. Сегодня вечером один наш еврейчик едет в Петербург и отвезет квитанции, – сказал Варганчик. – А я вам расписка напишу.

Выдали квитанции, получили расписки, выпили с Варганчиком, и он удалился. Котомцев радостно потирал руки и говорил:

– Сам Бог послал нам этого еврея. Ведь я нарочно натолковал ему черта в ступе. Подседов-то, трактирщик, не только не давал мне пять рублей, но даже и даром-то наотрез отказался поставить буфет в театре. Прямо сказал: хлопот не стоит.

– Тому хлопот не стоит, а этот, посмотрите, дело сделает. С жидом, батенька, в этих случаях всегда лучше пиво сварить, – сказал лесничий.

– Да теперь у меня уж и так все дела по театру с ним. Афиши печатает он, вешалку снял он, буфет он. Он же и лампы поставит и будет освещать театр.

– Ну а как же, батенька, вы насчет отопления театра устро-

ились? – спросил Котомцева лесничий.

– Дрова для театра жертвуют два юноши: сын головы и сын Подсед ова, но просили не говорить об этом их папенькам, – откликнулся за Котомцева нотариус. – А чтоб всякий раз перед спектаклем вытопить все печки, пристав Пантелей Федорыч обещался присылать человека. Это уж я его уговорил. Вы знаете, в нынешнем году здесь на заводе нет даже сторожа. Владелец совсем уже на него рукой махнул. «Не стоит, – говорит, – и сторожа нанимать, пусть так разваливается».

– А костюмы-то для «Грех да беда», Вадим Семеныч, к спектаклю у нас будут? – спрашивал Котомцев лесничего.

– Да, да... Вчера от вас из трактира я заехал к портному Берке Коромыслову и сказал ему, чтоб он достал и привез в воскресенье в театр, на репетицию, кафтан со сборами для вас, картуз, жилетку пеструю, сапоги, полушубок и валенки для Безымянцева, серый армяк и валенки для Днепровского. Одним словом, все костюмы по той записке, которую вы мне дали. И будет все это стоить четыре рубля.

– Как четыре рубля? Да ведь это четыре места по рублю! – воскликнул Котомцев.

– Ну, так что ж из этого? И то дешево.

– А я думал, вы где-нибудь даром от лавочников достанете.

– Да ведь столько же на извозчиках проездишь, по разным лавкам сбиравши сапоги и полушубки. Сначала их привози,

потом обратно увози. Наконец, и мадам Безымянцевой нужно комическое пестрое платье и зонтик, а на ее фигуру самому трудно отыскать.

— Для Курицына мне костюма не надо. Мне портерщик Иван Тимофеев все со своего плеча дает, а я ему за это место в полтинник, — заявил Суслов.

Котомцев крутил головой и бормотал:

— Портному четыре рубля да портерщику билет в полтинник — ой-ой-ой! Во что же это вечеровый-то расход вскочит!

X

В воскресенье, в шесть часов вечера, упраздненный мыловаренный завод, или, как громко было сказано на афише, загородный театр, блистал тремя десятками бумажных гофрированных фонарей, подаренных нотариусом. Они привешены были на дворе у входа в театр, около которого для порядка стоял городской, висели на столбах распахнутых настежь ворот и болтались под окнами бокового фасада завода, выходящего на дорогу. Спектакль был назначен в семь часов, но публика уж съезжалась. На дворе стояли дрожки пристава Котятникова, крытая рессорная бричка мирового судьи Георгия Григорьевича Шилки, тарантасик нотариуса и две извозчичьи пролетки. Интеллигенция и власти посада Гусятникова были почти все в сборе. Недоставало только головы и начальника железнодорожной станции, но сын головы Вася Мелетьев был уже здесь. Он и сын кабатчика Подседова Миша приехали в театр еще часов с четырех. Все актеры, лесничий с лесничихой, учитель-суфлер и нотариус забрались сюда около полудня на репетицию и так уж из театра больше и не выходили. Продовольствовал всех холодными закусками и чаем буфетчик Варганчик, да лесничиха привезла с собой большой пирог с капустой и рыбой, который после репетиции и был съеден. Кроме извозчиков на дворе толпились ребяташки, подросточки и несколько человек взрослых из

обывателей Гусятникова. Билетов в театр они не брали, но пришли из посада посмотреть на иллюминацию, на публику. Они стояли у входа, заглядывали в освещенные, но ничем не завешанные окна театральной залы, залезали даже в прихожую, но тотчас же были изгоняемы из нее Варганчиком, сидевшим у столика за кассой и продававшим билеты. Тут же помещался буфет, то есть длинный стол на козлах, покрытый скатертью, уставленный бутербродами, холодными закусками, бутылками и т. п. Шипел, испуская клубы пара, большой самовар. За буфетом стояли жена Варганчика, старая еврейка Сара Осиповна, с длинными зубами и в шелковом парике, и его дочка, молоденькая, очень хорошенькая жидовочка Ривка, в красной юбке и черном плисовом корсаже. Около вбитых в стену гвоздей с верхним платьем приехавшей в театр публики дежурили сыновья Варганчика, курчавые жиденята-подросточки.

В зрительном зале, освещенном восемью лампами, никого еще не было, и только рассыльный пристава, пожилой ундер, топил печку и подбрасывал в чугунок наколотые щепки. Вся приехавшая в театр интеллигенция толпилась на сцене и в уборных артистов. Из-за колыхающегося зеленого коленкорового занавеса слышались голоса нотариуса и лесничихи, распевавшей вполголоса куплет из водевиля, и возглас Суслова, кричащего кому-то:

– Да пошлите вы своего кучера в посад хоть за бутылкой коньяку-то для уборной! Наш жидюга дерет в буфете то же

самое и с артистов, что с публики. Ведь этак жить невозможно.

Портал и занавес имели самый убогий вид, хотя посреди занавеса и красовалась наклепленная большая лира, вырезанная из золотой бумаги. Портал был выкрашен клеевой краской в белый цвет, и на нем было намалевано какое-то подобие пальмовых листьев для чего-то, впрочем, с крупными красными яблоками – работа Безымянцева. У самой рампы в зале стояло пианино, немного поодаль помещались четыре ряда стульев и затем шли простые некрашенные скамейки без номеров.

Котомцев и Днепровский находились в уборной, то есть в углу за сценой, отгороженном ширмами из обоейной бумаги. На столике стояло складное маленькое зеркальце, и по бокам его горели две свечки, вставленные в пивные бутылки. Около зеркальца лежал жестяной ящик с красками для гримировки. Котомцев и Днепровский одевались для спектакля. Перед Котомцевым лебезил на коленях портной Берка и старался надеть ему русские сапоги с голенищами бутылками, но сапоги были не впору и не лезли на ноги.

– Господи боже мой! Что же это такое! Как же я играть буду простого лавочника без русских сапог! – раздраженно говорил Котомцев. – Тебе сказано ведь было, мерзавцу, что у меня большая нога! – крикнул он портному.

Тут же стояли полицейский пристав и лесничий, дымивший папироской.

– Сказано, сказано, – подтвердил лесничий. – Я прямо сказал: сапоги с самой большой ноги.

– Да они влезут, надо их только размочить, – отвечал портной.

– Как они могут влезть, ежели они и на нос мне не годятся! Стаскивай их с меня, стаскивай! Ну, что ты со мной, мерзавец, делаешь!

– Чтоб были сапоги! – топнул на портного лесничий. – Бери на дворе мою бричку, поезжай в посад и откуда хочешь привези сапоги, а то и денег за костюмы не получишь.

– Не успеет вернуться. Седьмой час. Публика уж собирается. Я сейчас глядел сквозь занавес и видел, как две какие-то купчихи пришли, и за ними молодец свои стулья притащил, – заметил Днепровский.

– Ну, что ж мне теперь делать! – всплескивал руками Котомцев. – Вместо длиннополого купеческого сюртука притащили какой-то дворницкий кафтан, жилетки русской нет и сапог нет! Париков в городе нет. Играю без парика, в своих волосах... Какой же тип выйдет!

– Послушайте... Да возьмите русские сапоги с моего рассыльного, – предложил пристав. – Он здесь в театре печки топит. У него ножищи преогромные.

– Батенька! Вы меня спасаете! – воскликнул Котомцев.

– Зови сюда моего рассыльного Антипова! Пусть придет сюда и снимет сапоги! – отдал портному приказ пристав.

Портной побежал.

– Стой! Стой! – остановил его Днепровский. – А сюртук или сибирку можно снять с того молодца, который пришел сюда давеча с купчихами и принес стулья. На нем именно такой костюм, какой для роли Льва Краснова требуется.

– Да неужели?! – радостно вскинул на Днепровского глаза Котомцев.

– Две капли воды.

– Так слышишь! Рассыльного моего сюда и позвать этого самого молодца! – прибавил портному пристав.

Через минуту явился рассыльный. Рассыльный вытянулся в струнку.

– Антипов! Сними свои сапоги и дай барину на вечер, – сказал пристав. – А сам можешь в его сапоги переобуться.

Рассыльный разулся. Сапоги пришлись Котомцеву впору. Разыскали и купеческого молодца.

– Две капли воды – то, что мне нужно! – радостно воскликнул Котомцев при виде его сюртука. – Послушай, любезный, мне вот надо играть простого русского лавочника, а сюртука подходящего у меня нет...

– Ему сказано-с... Он согласен, – перебил Котомцева еврей.

Молодец тряхнул волосами, снял с себя сюртук и стал надевать пиджак Котомцева.

– Эх, жилетка-то у тебя хороша! Может быть, и жилетку дашь надеть? – спросил Котомцев.

– Сделайте одолжение...

– Ну, вот и отлично. А сам ты можешь в мою одежду одеться, сесть в театре на скамейку и смотреть, как мы будем играть.

– Благодарим покорно.

– Чей ты? – спросил молодца пристав в виде приветствия.

– Из лабаза Мавры Тарасьевны Порфирьевой.

– То-то рожа-то знакомая! Ну, ступай.

– Голубчик, Вадим Семеныч, добудьте ему в кассе билетик на место да, кстати, узнайте, как сбор, – обратился Котомцев к лесничему.

– Давеча всего было двадцать семь рублей, перед тем как лампы начали зажигать в театре. Я справлялся, – ответил Днепровский, ероша себе белой краской брови и делая их седыми.

– Плохи наши дела, плохи! – вздохнул Котомцев, надевая на себя длиннополый сюртук. – Уж ежели в первый спектакль не будет хорошего сбора, то что же в последующие-то спектакли станет очищаться товариществу?

– Ну, с рук порядочно билетов продали, я думаю, – сказал пристав.

– И с рук на пятьдесят рублей не продали. Театр далеко от города. Чуть не у черта на куличках. Чтобы дойти до него, нужно полторы версты грязь месить. Эх, жизнь актерская!

И Котомцев снова тяжело вздохнул.

XI

Актрисам под уборную была отведена контора мыловаренного завода, кроме прихожей, – единственная комната в здании, но неудобство этой комнаты заключалось в том, что из нее не было выхода на сцену. Дабы загримированным актрисам не проходить на сцену через театральную залу, в уборной была сделана дверь из окна, то есть к окну из комнаты и на дворе из окна были сделаны из досок по четыре ступеньки, и актрисы должны были выходить в окно на двор и перебегать по двору сажен восемь до двери, ведущей со двора на сцену. Неудобство было страшное, и с ним только и можно было примириться при сухой погоде. Перебегать приходилось не иначе, как накинув на себя верхнее платье. От окна уборной до двери на сцену, впрочем, проложены были по двору доски.

– Как вы зимой на святках здесь во время спектакля одевались и переходили на сцену? – спрашивала лесничиху Котомцева.

– Ох, уж и не говорите! – отвечала лесничиха. – Я сейчас же и простудилась, и целую неделю прохворала. Оттого на святках мы и ставили только один спектакль, а ведь предполагалось два. А мороз в день спектакля стоял, как назло, трескучий. В зале некоторые сидели даже в шубах.

– А вы бегали на сцену через окно и потом по снегу?

– Вообразите, милочка, да... но в половине спектакля уж не выдержали и стали переходить, закутавшись в платки, через залу.

Котомцева покачала головой и сказала:

– Ну, мы-то уж терпим все муки, чтоб кусок хлеба себе заработать, а вы-то, люди со средствами, чего себя мучили?

– Охота пуще неволи... – весело дала ответ лесничиха.

Сначала в уборной у дам сидели и стояли только что представленные им два юноши – сын головы и сын кабатчика Подседова, а также и мировой судья Георгий Григорьевич Шилка – мужчина хоть и пожилой, но прилизанный, примазанный, с бакенбардами, подобранными волосок к волоску, и в золотом пенсне на носу. Юноши хоть и просили познакомиться их с актрисами, но в присутствии их только молчали и вздыхали, а мировой так и сыпал комплиментами. Вскоре, однако, актрисам нужно было одеваться, и лесничиха, которая играла в водевиле, в конце спектакля увела мужчин из уборной.

Мировой, выйдя из уборной, тотчас же переменял тон.

– Никакого успеха не будут здесь иметь, даю вам слово... – сказал он лесничихе.

– Отчего?

– Помилуйте, какие это актрисы! Говоря между нами, это прачки какие-то.

– Ах, что вы!

– Да конечно же. Я летел сюда заранее, стремился, думал

найти элегантных, грациозных женщин, кокетливых, а это, это...

Мировой замялся.

– Судьба их бьет, – проговорила лесничиха. – Летний сезон просидели без ангажемента, прожились, заложились. Они признавались мне. Все костюмы у них заложены. На последние крохи сюда приехали. Бедность, вы сами знаете, принижает, делает робкими.

– Верно. Ну, а публике-то какое до этого дело. Много я имел случаев знакомиться с актрисами, но, признаюсь, таких вижу в первый раз. Неинтересны, совсем неинтересны.

– Полноте вам. Сестра Котомцевой, Левина, прехорошенькая.

– Но ведь это еще почти ребенок. Котомцева – это, очевидно, премьерша их – какая-то кислота. Поднеси к лицу ее кринку свежего молока – скиснется.

– Ах, какой вы зоил!

– Позвольте... Это мое впечатление, а стало быть, будет и впечатление всей публики. Гулина эта самая – какая-то маринованная минога, а Безымянцева – тамбурмажор в юбке. Клянусь чем хотите, вы, милейшая Ольга Сергеевна, убьете их всех вашей красотой.

– Ну-ну-ну... Полноте... – остановила его лесничиха, вся вспыхнув.

– Ma parole d'honneur¹.

¹ Слово чести (фр.).

Они пришли на сцену. Мужчины уже были одевшись и бродили по сцене. Днепровский, игравший деда Архипа, в белой русской рубаше и в валенках, с седой бородой и в лысом парике, совсем не подходящем для Архипа, смотрел в щелку занавеса на публику и говорил:

– Негусто, негусто в зрительной-то зале.

Котомцев распекал Сулова, значительно уже пьяного, и говорил ему:

– Послушай, как распорядитель товарищества, я положительно запрещаю тебе бегать в публике загримированным! Одейся для спектакля, и вдруг шляешься в буфете и пьешь там водку с купцами.

– Да ведь я только в кассу, Анатолий Евграфыч... Сами же вы хотели узнать, какой сбор, ну, а по дороге, само собой, и выпил. Нельзя же, если приглашают. Могут обидеться. А тут именно нужно угодить публике и искать знакомства.

Язык Сулова уже слегка заплетался.

– И насчет выпивки прошу тебя прекратить. Довольно, – продолжал Котомцев. – Подумай, что тебе после главной пьесы еще водевиль играть.

– Ну вот... Сыграю. Слава богу, шестнадцать лет на сцене, – отвечал Сулов.

К Котомцеву подошел Безымянцев, игравший Афоню. Он был в полушубке нараспашку, в валенках, в картузе.

– Ну что, голубчик Анатолий, как сбор? – спросил он.

– Тридцать девять рублей в кассе и на пятьдесят четыре

рубля с рук продано, – отвечал Котомцев.

– Гм... Ведь это скверно для первого спектакля – девяносто три рубля...

– Что ж ты поделаешь, коли театр за городом! Не многих заберет охота тащиться сюда, у кого лошадей нет.

К ним подскочил лесничий и, дымя папироской, сказал:

– Сейчас я из кассы. Акцизный сейчас приехал и взял три билета по полтора рубля для себя, жены и дочери. Да купец Мельгунов с женой пришли и два билета по рублю взяли.

– Четыре с полтиной и два – шесть с полтиной, стало быть, вот уже сорок пять в кассе, – тотчас же сосчитал Днепровский и спросил Котомцева: – Сколько у нас вечерового расхода?

– Ах, боже мой! Да кто же теперь сосчитать может!

Публика в зале прибывала. Настройщик и часовых дел мастер Кац играл уже в зале на фортепиано какой-то марш. Начали приходить и актрисы из своей уборной на сцену. Показалась Котомцева, показалась Безымянцева, играющая Жмигулину. Котомцева подошла к мужу и уныло спросила:

– Как сбор, Анатолий? Должно быть, плох?

– Давеча было сто рублей без полтинника.

– Это только то, что в кассе, не считая того, что с рук продано?

– Да нет же, нет. Всего вместе.

– А ведь мы рассчитывали, что полный сбор больше двухсот пятидесяти рублей.

– Мало ли, что рассчитывали!

– Анатолий, у меня полусапожки совсем худые. Не знаю, как уж и играть буду. Думала у сестры взять, но у ней еще хуже моих, – шепнула мужу Котомцева.

– Завтра купишь себе и сестре новые сапоги.

– Да, но как сегодня-то играть! Я уж кой-как зашила, позачернила чернилами, но...

– Обувь только из лож видна, а из стульев и мест в партере обуви никогда не видать, лож же здесь нет. Что ж, начинать, что ли? – спросил Котомцев.

– погоди... Авось подойдут и подъедут еще кто-нибудь, – откликнулся Днепровский.

К Котомцеву опять подскочил лесничий и сказал:

– Радуйтесь... Сын головы сказывает, что сейчас в театр помещик Куликов в долгушке с семейством и гостями приехал. Вот уж тут еще приращение сбора рублей на десять будет.

– Ну, слава богу! – проговорила Котомцева и перекрестилась.

Тапер Кац кончил марш и принялся играть вальс.

В семь с половиной часов Котомцев решил поднимать занавес.

– По местам! – крикнул лесничий актерам и, когда все было готово, сам отдернул коленкоровую занавесь в одну сторону.

XII

Пьеса «Грех да беда» шла довольно гладко, и только нотариус в роли Бабаева несколько портил дело. При открытии занавеса интеллигенция посада Гусятниково приветствовала исполнителей аплодисментами. Встретили рукоплесканиями и Котомцева. Интеллигенцию поддерживала публика посерее, но этой серой публике пьеса не понравилась. Кабатчица Подседова прямо сказала головихе после второго акта:

– Канитель... Что дальше будет, я не знаю, а пока канитель... Цирк-то с обезьянами и намазанными шутами куда интереснее был у нас. Там, по крайности, хоть посмеяться можно было. Помните, сколько они, бывало, оплеух себе надают, дураки эти самые? И ничего им, как с гуся вода.

– Погодите... Может быть, и эти актеры разыграются, так посмешат, – отвечала головиха.

– Нет, уж это такая игра. Тут все разговоры, разговоры и ничего больше.

– Знаю я. Это театр, а вы про цирк... Но и в театре бывает веселая игра. Вот, например, оперетка, где поют и смешат. Бывали ведь мы с мужем и в губернии, и в Петербурге, и в Москве, так видали всякие театры. Надо вот мужу сказать, чтоб он попросил их оперетку поставить.

Мужская интеллигенция в каждом антракте уходила на сцену и старалась выпить с актерами, требуя на сцену вина

из буфета. Голова, желая оказать гостеприимство и угостить актрис, послал им в уборную бутылку мадеры, коробку монпансье и яблок, явился туда сам и просил всех выпить.

— Пожалуйте по рюмочке... Да вот и закусить есть чем... — кланялся он.

Актрисы чокнулись с ним и выпили.

— По второй, чтоб не хромать на сцене... — продолжал он.

— По второй-то уж много... — отвечала Котомцева.

— Ничего... Поваднее будет. Веселее играть будете.

— Роль моя сегодня не такая, чтоб весело играть.

— А зачем же вы такую игру поставили? В другой раз поставьте что-нибудь повеселее. Вот и жена моя говорит: «Скажи им, — говорит, — чтоб они оперетку поставили».

— У нас для оперетки нет ни исполнителей, ни костюмов, ни декораций. Кроме того, для оперетки оркестр нужен.

— Тс... Так... — кивнул голова. — А хорошо бы веселенькое-то что-нибудь.

— Да и кроме оперетки можно какую-нибудь веселую комедию поставить.

— Ну так вот... Пожалуйста. Да уж посмешнее что-нибудь... Посмешнее-то, так оно лучше... Ну, а еще по рюмочке-то все-таки позвольте просить...

— Нет, нет, не могу... — наотрез отказалась Котомцева. — После спектакля — извольте.

— Давайте я с вами выпью, — вызвалась Безымянцева, поднимаясь во весь свой громадный рост со стула и подходя к

голове – маленькому, кругленькому, коренастому. – Сегодня моя роль такая, что можно выпить.

– Ну, вот и чудесно. Ваше здоровье! А играете вы сегодня на отлично и даже, можно сказать, лучше всех.

– Нравится вам? Очень приятно. А вообразите, роль Жмигулиной даже не моя роль. Я на роли гранд-дам и комическую роль играю сегодня за неимением в труппе комической старухи.

– Очень потешно играли, очень потешно, – отвечал голова, выпивая рюмку мадеры. – Да и зонтик у вас – смеху подобно... Вот кабы у всех такие роли были! Ну, до свиданья, – прибавил он. – Теперь пойду господ актеров шевелить, чтобы позабавнее играли.

К мужчинам также приставали со всех сторон с вином, и Котомцев то и дело ходил за пьяным уже Сусловым, стараясь уберечь его от дальнейшей выпивки.

– Господа! Пожалуйста, не угощайте его... Ведь ему еще ответственную роль в водевиле играть... – упрасивал он пристава, купца Глоталова и кабатчика Подседова. – Ну что хорошего, если из-за него придется водевиль отменить! Лучше же вы после спектакля с ним выпьете. Егор! Ради Создателя не пей больше, – обратился он к Суслову.

– Да ведь и то не пью, – отвечал тот, покачиваясь.

Лесничий посмотрел на него и покачал головой.

– Я уж и то стараюсь его зельтерской водой и чаем отпаивать, но не пьет, – сказал он.

– Да что вы ко мне пристали! Будто я не знаю своей порции! – говорил Суслов.

К нему подскочила лесничиха.

– Послушайте, Суслов... Я уйду одеваться для водевиля, но если вы будете в мое отсутствие еще пить, будете пьяны – я не буду с вами играть и навсегда рассорюсь.

– Матушка, голубушка! Егор Суслов никогда не бывает пьян, а только выпивши! – воскликнул Суслов. – Ручку, голубушка!

И, схватив руки лесничихи, он стал целовать их мокрыми губами.

– Ну, смотрите же! – погрозила ему лесничиха, убегая со сцены.

– Не беспокойся, не беспокойся, Оля! Капли больше я ему не дам выпить! – крикнул ей вслед лесничий.

Дело происходило перед последним актом драмы.

– Ну, что ж, убивать теперь жену будете? – спросил Котомцева пристав, улыбаясь.

– Да, убивать. Самый горячий и трудный для меня акт.

– А не боитесь, что я вас за убийство в кутузку? Хе-хе... Ну, идите, идите... Убивайте.

Последний акт понравился интеллигентной и не интеллигентной публике. Котомцева вызвали несколько раз. Он выходил с женой.

В антракте кабатчик Подседов подносил Котомцевой тарелку с фруктами и шутил:

– Позакусите-ка, после смерти-то лютой, сударыня, яблочком. Отлично оно, воскресши-то из мертвых, яблочком побаловаться. А куда вы ей нож всадили, почтеннейший? Супруге-то то есть?

– Предполагается, что я ее зарезал, – отвечал Котомцев, сдирая с себя наклеенную бороду.

– Так, так... Да... – бормотал Подседов, прищелкивая языком. – А и то сказать... Конечно, все это игра, нарочно. А попадется, вот, мужу и в самом деле вот этакая ягода в жены, так что ты с ней поделаешь иначе? За неволю ножом пырнешь. Грехи! – прибавил он, вздохнув.

Водевиль «Дочь русского актера» очень понравился всей публике. Сулова кое-как уберегли. Он хоть и был пьян, хоть и покачивался, но публика была от него в восторге за выкидываемые им, говоря театральным языком, «крендели», или «колена». Его и лесничиху принимали просто на ура. Аплодисментам не было конца.

Лесничихе мировой судья поднес букет живых цветов, что было, впрочем, очень бестактно по отношению к приезжим актрисам.

XIII

Спектакль кончился, актеры разгримировались и первым делом бросились в кассу считать сбор. Явились и мужчины, и женщины. Там уже в сторонке за столиком сидел Котомцев, освободившийся после первой пьесы, и проверял у еврея Варганчика проданные билеты. Всего было продано на сто шестьдесят с чем-то рублей. Актеры ожидали лучшего сбора и приуныли. Варганчик тотчас вычел семь рублей за напечатание афиш и восемьдесят рублей, посланные им в Петербург на выкуп гардероба Котомцевой и Безымянцевой. Прокат ламп и освещение, также поставленное Варганчиком, покрылись платой за буфет и долей дохода от вешалок. Приступил и суровщик Глоталов, требуя себе за три куса коленкору, пошедшие на занавес, но Котомцев ему денег не дал, сказав, что заплатит после следующего спектакля. Нужно было прежде удовлетворить нуждающуюся актерскую братию. Все просили себе на сапоги, а Суслов, кроме того, и на брюки. Котомцев выдавал кому пять, кому шесть рублей и остался сам ни при чем, а между тем приставал портной Берка и требовал четыре рубля за костюмы, поставленные на сцену. Берку пришлось укротить полицейской властью и отложить уплату за костюмы до следующего спектакля.

— Первый спектакль, и нет полного сбора. Как хотите, а это хорошего нам не предвещает, — говорил Котомцев лес-

ничему.

– Ну, не скажите. Ведь не все еще знают о спектаклях. Надо будет разослать афиши на заводы. У нас близ посада есть несколько небольших заводов – вот на кого можно в праздники рассчитывать. Управляющие, приказчики, механики. Кроме того, и погода сегодня была сомнительная. Она много повредила сбору, – утешал Котомцева лесничий.

После спектакля в зале убрали скамейки, поставили стулья у стен, и начался танцевальный вечер. Публики, однако, осталось на вечер едва половина. Тапер Кац заиграл вальс, играл он его долго, но публика стояла и сидела и выжидала, кто начнет танцевать первый. Наконец нотариус пригласил лесничиху и прошелся с нею два-три тура. За нотариусом к лесничихе подскочил с приглашением техник с винокуренного завода, но лесничиха сказала ему:

– Что ж я одна-то буду вертеться! Просите кого-нибудь из других дам, а я уж с вами потом...

Техник перебежал к дочке головы. Та долго отнекивалась, но все-таки сделала тур вальса, сбилась и попросила посадить ее. Тапер заиграл кадрили. Танцевали сын кабатчика Подседова с дочкой головы, мировой судья с лесничихой, сын головы с дочкой пристава. Нотариус долго искал себе даму, подходил к Котомцевой, к ее сестре, к посадской акушерке Молотковой – все отказались танцевать, и, чтобы составить мировому судье визави, он еле-еле упросил протанцевать с ним жену аптекаря, хотя и молодую, но очень тол-

стую польку. Танцевальный вечер, очевидно, не клеился.

– Напрасно вы отказывались от кадрили. Здесь нужно жить с публикой в общении, тогда только и можно рассчитывать на какой-либо успех, – шепнул жене и свояченице Котомцев.

– Как мы можем танцевать, ежели у меня и у сестры сапоги худые! – отвечала ему также шепотом жена. – Что хорошего, ежели подошва отлетит? Да и так в танцах ноги видны.

А между тем в зале и в буфете красовались уже наклеенные на стенах рукописные афиши, возвещающие о втором спектакле, назначенном в среду. Афиши гласили, что представлены будут комедия «От преступления к преступлению» и сценка «Картинка с натуры». Варганчик в буфете предлагал уже и билеты на этот спектакль, но билетов никто не брал. Пристав подошел к Котомцеву, по-военному повел плечами и, кивая на афишу, спросил:

– Тоже что-нибудь с убийством?

– О, нет! Обе пьесы превеселые, – отвечал Котомцев.

– Ну, то-то. Да что бы вам оперетку с пением и танцами...

Пришлось опять отвечать:

– Труппы нет, хора нет, костюмов нет, да даже и нот не имеется.

– Жалко. Будь оперетка – ручаюсь вам за полный сбор.

Кадрилью танцевальный вечер и кончился. Тапер заиграл польку, но танцевать уже никто не пошел. Интеллигенция уезжала домой. Просились домой и актрисы. Из буфета вы-

скочил совсем уже пьяный арендатор бань Бубенцов и прошелся без музыки по залу казачка, но пристав тотчас водворил его обратно в буфет. Тот кланялся и говорил:

– Я, ваше благородие, и на среду взял билет. Пущай от нашего брата пользуются. Я, ваше благородие, даже вот как... Я сейчас сказал актерам: пусть ко мне даром в баню ходят. Жертвую!

Нотариус и пристав дали свои экипажи, чтобы перевезти домой актрис. Актеры остались еще в театре. Суслов, совсем уже пьяный, тащил сына головы покупать билет на следующий спектакль. Сын головы отнекивался и говорил, что у них в среду будут поминки по тетке.

– Так ведь поминки-то утром будут. Ты поминки-то справь, а потом приезжай сюда, – говорил ему Суслов.

– Нельзя. Папенька на дыбы встанет. Он у нас строгий.

– Ну, так хоть билет-то купи, а там кому-нибудь передашь его.

Сын головы пожал плечами и купил двухрублевый билет.

– Мишка! Ну, а ты-то что ж?.. – приставал Суслов к сыну кабатчика Подседову. – Бери и ты билет.

– Я тоже у них на поминках, – отвечал молодой Подседов.

– Ах, черти! Что же вы меня-то к себе на поминки не зовете?

– Сделай милость, приходи. Мы всем рады, кто тетенькину душу помянуть придет, – откликнулся сын головы.

– В котором часу? – спросил Суслов.

– Да после обедни. У нас большой поминальный обед будет.

– Приду, нарочно приду, чтобы вас обоих в театр после обеда утащить. А билет-то ты, Мишка, все-таки возьми.

– Веселая игра будет? – спрашивал Суслова сын кабатчика.

– Зажженную паклю я есть буду, так чего ж тебе еще!

– Ну, уж ты наскажешь!

– Верно. По-собачьи еще залаю на придачу, петухом запою.

– Ну, давай билет. Самому не удастся приехать, так приказчика пошлю.

– Бери пару. Приказчик сам по себе, а ты сам по себе.

– Нет, нет. На среду с меня довольно и одного билета.

Молодой Подседов вынул деньги и взял билет.

К Котомцеву подошел тапер Кац и стал просить деньги за свою игру и за инструмент.

– Батюшка! Отец родной! Вас-то я и забыл, а между тем меня уж всего до копеечки растаскали. Сейчас последние восемь рублей жене и свояченице на сапоги отдал, – отвечал Котомцев.

– Как же это так? Дайте хоть сколько-нибудь.

– Ни гроша при себе. Все, все раздал. В среду из первого же сбора вы за оба вечера получите.

– Дайте хоть три рубля.

– На! Получай сайку с квасом! Вот тебе даже четыре руб-

ля! – крикнул таперу Суслов и, получив с сына головы и с сына кабатчика по два рубля за билеты, передал их таперу.

Котомцев звал Сулова домой, но Суслов не ехал. Котомцев плюнул и отправился вместе с нотариусом в его бричке к себе в гостиницу.

XIV

Наступила среда. Вечером был назначен второй спектакль, а в кассе сбора не было. В пять часов дня в кассе считали всего только восемнадцать рублей, да и то с теми, что получил Суслов на танцевальном вечере после первого спектакля за навязанные билеты. А между тем вечерового расхода по театру было около тридцати рублей. С рук почти ничего не было продано. Лесничий посылал билеты на какие-то заводы, верстах в пяти от посада, но оттуда их возвратили. Мировой судья тоже ничего не продал. Актеры ходили как в воду опущенные.

– Что тут делать? – растерянно спрашивал в шестом часу вечера Котомцев, обращаясь к лесничему.

– Будни. Ничего не поделаешь. Но главное, поминки у головы. Половина посада ведь там у него на обеде, – разводил тот руками.

– Какой теперь обед, помилуйте! Обед был после обедни.

– Совершенно верно, но остались кто допивать, кто играть в стукалку. У нас всегда так. Уж какие дела делал здесь цирк, всем он у нас по вкусу пришелся, но как, бывало, похороны, панихиды или крестины у кого-нибудь – цирк пуст и сбора никакого. Ведь вот и сегодня на поминках: кто приглашен к голове, тот сидит в комнатах, а кто не приглашен – бродит мимо освещенных окон. Подите, и вы увидите около дома

целое гулянье. Да вот вернется Суслов, так он подтвердит мои слова.

Суслов, назвавшийся на поминки еще в воскресенье и ездивший туда с пачкой билетов для продажи, вернулся оттуда перед самым спектаклем изрядно пьяный, но без успеха и привез все билеты обратно.

– И посейчас море разливное идет, – рассказывал он. – На трех столах в стуалку играют. Дамы и те наклюкались. Начальник станции тоже там. Ему я навязал билет в полтора рубля, но навряд он приедет, потому что играет в карты и в проигрыше. Даже Мишку Подседова не мог с собой при-тащить. Около дочери какой-то лабазницы увивается. Сын головы тоже не может от гостей урваться. Впрочем, черт с ними. Билеты-то в театр они ведь все-таки еще в воскресенье взяли.

Все это Суслов рассказывал за кулисами в импровизированной мужской уборной, отгороженной ширмами. Днепро-вский в это время сидел перед складным зеркалом и гримировался для роли в пьесе «От преступления к преступлению».

– Так сколько же, собственно, теперь сбора-то в кассе? – спросил он.

– Беда. И двадцати рублей нет, а между тем через четверть часа надо уж спектакль начинать, – развел руками Котомцев.

– Ну, ежели двадцати пяти рублей нет, то я не стану себе и брови замазывать. Не стоит пачкаться. Буду играть так.

– Вообразите, братцы, ведь и учителя нет! – откликнулся Безымянцев. – Кто нам суфлировать-то будет?

– Да, да, да... И учитель там на поминках, и тоже проигравшись. Его нельзя ждать, – подхватил Суслов. – Придется нам друг другу суфлировать.

– Я буду суфлировать, – вызвался лесничий.

– А кто ж за выходами-то будет следить? – спросил Котомцев.

– Да какие тут к черту выходы при двадцати рублях сбора! – воскликнул Днепровский. – Кто выскочит на сцену, то и ладно, а когда нужно со сцены уходить, Вадим Семеныч крикнет из суфлерской будки: «Пошел вон». Я готов, господа. Коли хотите, поднимайте занавес, – встал он со стула и выпрямился во весь рост.

– Погодите, господа, дайте мне брюки переодеть, что я от Васьки Мелетьева привез, да нос красной краской помазать. Я ведь тоже выхожу в первом акте, – сказал Суслов.

– Охота брюки переодевать! Играй в чем бог послал.

– Зачем же я тогда их от Васьки взял? Да и нельзя мне в своих брюках... Очень уж мои плохи.

Тапер Кац играл в зрительном зале вальс. Котомцев смотрел сквозь щель занавеса на публику. Около него стояла уже совсем одевшаяся для пьесы жена.

– Пусто в зале? – спросила она.

– Пустыня Аравийская.

– Господи! Что же мы будем делать теперь. Второй спек-

такль, и пустой театр. Тогда поедemте в Краснопузырск играть, что ли!

– На какие шиши выбратъся-то, матушка?

– Однако надо же нам будет как-нибудь отсюда выбратъся. Второй спектакль пуст – ну, а третий будет еще меньше публики. Ведь и здесь пить-есть надо.

– Третий спектакль в воскресенье. В воскресенье будет сбор. В воскресенье здесь всегда хорошо бывает для сборов, – утешал ее лесничий.

– Полноте вы! – раздраженно отвечала ему Котомцева. – Мы не любительствовать сюда приехали, а хлеб насущный добывать. Ведь первый спектакль был в воскресенье, а едва полсбора. Уж ежели в первый спектакль хорошо не взяли, то никогда не возьмем. Это уж сейчас видно, что здесь проклятое, глухое место.

– Однако, как бы то ни было, от первого спектакля ты и Безымянцева свои гардеробы выкупили, – возразил муж.

– Какой же это выкуп, ежели эти костюмы, как только придут из Петербурга, сейчас надо вновь закладывать, чтобы за номер и за еду в гостиницу заплатить. Ведь уж сегодня присылали со счетом от хозяина, требуют.

– Возьмете, барынька, недурной сбор в воскресенье. Даю вам слово, – стоял на своем лесничий. – Сегодня с заводов публики нет, потому что там в будни до восьми часов вечера работают, а по воскресеньям работы нет.

Подошел Суслов с накрашенным красной краской носом

и в клетчатых брюках сына головы.

Котомцев взглянул на него и спросил:

– Что ж ты без парика-то? Ведь у нас лысый парик свободен.

– Э, что! Не стоит! – махнул рукой Суслов. – Быть бы здорову, да попасть бы в Царство Небесное. Днепровский не замазавши брови играет, и я не хочу в парике играть. Начинай.

Котомцев еще раз заглянул сквозь занавес в зрительную залу и сказал:

– Как будто бы с давешнего человека два в зрительной зале прибавилось. Не подождать ли с четверть часика? Авось еще кто-нибудь набежит.

– Теперь навряд кто явится! Ведь уж и так четверть восьмого, – отвечал лесничий.

– Вы думаете? Хоть бы еще рублишек на пять...

– Нет, нет, ничего не будет. Да и дождь накрапывает. Сейчас я бегал через двор к жене в дамскую уборную, так довольно крупные капли.

– Я уж сюда перебежала под зонтиком, – сказала Безмянцева.

– А вот на счастье две новые дамы и вошли в театр! – воскликнул Котомцев, все еще смотря в щель занавеса.

– Покажи-ка, покажи-ка... – отодвинул Котомцева от занавеса Днепровский, заглянул в щель занавеса и сказал:

– Ну, брат, от этой публики сыт не будешь. Это жена и дочь хозяина нашей гостиницы. Они по даровым билетам.

– По даровым? Зачем же им дали даровые билеты? В гостинице к нам пристают с ножом к горлу со счетом и требуют денег, а вы билеты раздариваете!

– Затем и дали даровые билеты, чтоб с ножом к горлу на счет денег не приставали. Надо же задобрить.

– Так я, господа, полезу в суфлерскую будку? – предлагал лесничий.

– Полезайте, полезайте... Сейчас начнем. Ну, господа, кто на сцене? Занимайте места.

Занавес подняли при совсем пустом театре.

XV

На третий спектакль в афишах были объявлены комедия Островского «Не в свои сани не садись» и водевиль «Что имеем, не храним». Формат афиши был увеличен вдвое, белая бумага заменена красной, желтой и зеленой, названия пьес были напечатаны самыми крупными буквами, спектакль был назначен в воскресенье. Актеры ожидали хорошего сбора. Еще с вечера в кассе, то есть в типографии Варганчика и в суровской лавке Глоталова, было продано на двадцать шесть рублей билетов, мировой судья навязал кому-то на семь рублей, лесничиха продала на пять рублей, но на этом и «заколодило», как выражался Котомцев. В воскресенье с полудня пошел проливной дождь, продолжался вплоть до вечера, и театр во время спектакля был пуст. Не пришли даже и некоторые из тех, которые с вечера взяли билеты. Актеры, потерявшие всякую энергию, играли спустя рукава. Уныние было полное. Котомцева была раздражена.

– Вот вам и воскресенье! Вот вам и праздник! Рассказывали, что здесь только по праздникам сборы. Подите в кассу, полюбуйтесь, посчитайте, сколько продано, – говорила она лесничему. – Сегодня только трое каких-то приказчиков приехали за билетами, да и то пьяные.

– Да ведь посмотрите, барынька, какой дождь с утра, – отвечал лесничий. – А дождь уж от Бога. Супротив Бога ниче-

го не поделаешь.

– Сегодня дождь – и оттого сбора нет, в среду поминки у головы – и оттого сбора нет. Что же это за место такое проклятое, что то дождь, то поминки мешают сборам! Просто это оттого, что мы играем за городом, у черта на куличках.

– И это имеет влияние! То, что театр за городом, – большое препятствие сборам, но будь хорошая сухая погода – даю слово, что около двухсот рублей сегодня собрали бы. Я знаю, многие сегодня собирались в театр и из-за дождя не приехали.

– Чует мое сердце, что застрянем мы здесь и не с чем нам будет даже выехать.

– Полноте, полноте! Уж до Краснопузырска-то мы вас доставим, – утешал ее лесничий.

– Последнее это дело будет, ежели Христа ради нас станут из города в город переправлять. Да и с чем мы туда приедем? Костюмы-то вот мои придут из Петербурга, из заклада – сейчас и придется их вновь закладывать, чтобы с гостиницей рассчитаться.

Сам Котомцев угрюмо молчал и кусал губы.

– В среду надо попробовать не ставить здесь спектакля, а попробовать устроить литературно-музыкальный вечер в ратуше, – сказал он наконец. – Ратуша все-таки в центре посада, и туда публика охотнее пойдет. Я могу прочесть «Записки сумасшедшего» Гоголя, ваша супруга споет малороссийские песни. Она отлично поет, – обратился он к лесниче-

му. – Моя жена прочтет несколько стихотворений, господин Кац сыграет на рояле...

– В чем я буду читать стихотворения-то перед публикой, позвольте вас спросить? Не в этом ли ситцевом платье? – иронически задала ему вопрос жена.

– Да уж к среде, душечка, должны же прийти из Петербурга твои хорошие платья. Это один-единственный исход. В среду нельзя здесь ставить спектакля. Сбору будет еще меньше, чем сегодня. А вечер в ратуше – другое дело.

– Жена моя к вашим услугам... – поклонился лесничий.

– Господа! Я хочу музыкально-литературный вечер в ратуше в среду устроить! – крикнул Котомцев бродившим по сцене актерам. – А здесь спектакль отменим. Голова обещал мне залу в ратуше.

– Ну что ж, отлично! Я комические куплеты пропою, – откликнулся Суслов. – Только вот в чем штука: у меня фрака нет.

– Найдем фрак, – сказал лесничий. – С нотариуса, с Евлампия Петровича, фрак будет тебе в самый раз.

– Алексей Павлыч! Ты что прочтешь? – спрашивал Котомцев Днепровского.

– Наизусть ничего никогда не читал, но ежели надо, из «Братьев Карамазовых» Достоевского по книге прочту.

– Да уж надо из чего-нибудь вечер составлять. Даша качучу станцует. Коротенькая юбочка и трико у нас найдутся.

– Нет, Анатолий, я не могу... – потупилась свояченица

Котомцева.

– Отчего не можешь? Танцевала ведь прежде.

– Да, когда я девочкой была. А теперь нет, нет!

– Глупая! Да ты теперь будешь больше иметь успеха, чем девочкой... На ура примут.

– Нет, нет. Не просите.

К ней подскочили сын головы и сын кабатчика Подседова.

– Дарья Ивановна, станцуйте, – упрашивали они.

– Ни за что на свете!

– Я вам букет поднесу, – говорил Подседов.

– Очень вам благодарна, но не могу я качучу танцевать, ежели у меня даже кастаньет нет.

– Врешь, врешь. Кастаньеты у тебя в саквояже, – заметила ей сестра.

– Ну и что же? Одна из них лопнувши.

– А другая цела. И об одной станцуешь.

– Как же это так об одной?

– Ежели уж на то пошло, то лопнувшую кастаньету всегда склеить можно, – заметила сожительница Днепровского Гулина, отвела Дашу в сторону и строго сказала: – Как тебе не стыдно отказываться! Товарищество погибает, хватается за вечер в ратуше, как утопающий за соломинку, а ты упрямисься номер исполнить, и номер такой, который может быть заманкой.

– Я не упрямлюсь, но я просто не могу. Ведь я года два уже не танцевала.

– Врет, врет. Будет танцевать! – мигнула ей сестра и шепнула: – Нам на хлеб, нам пить-есть надо, а ты куражишься! Не имеешь права отказываться.

Даша слезливо заморгала глазами и направилась за кулисы.

– Желаете, я вам на скрипке сыграю? – предложил Котомцеву лесничий.

– Батюшки! Об вашем номере-то и забыли! – хлопнул себя Котомцев по лбу. – Отец родной! Непременно сыграйте. Вы будете у нас украшением вечера.

Котомцев заключил лесничего в объятия и расцеловал.

– Ставь и меня на афишу. Я спою куплеты «Как яблочко румян», – предложил Котомцеву Безымянцев. – Жена прочтет «Грешницу». Она отлично читает это стихотворение.

– Нет уж, «Грешницу» я буду читать, – подскочила к Безымянцеву Котомцева.

– Отчего же вы непременно, ежели я заявляю про жену? Я первый заявил.

– Вы первый заявили, а «Грешница» Толстого – мое репертуарное стихотворение.

– Сонечка! – крикнул Безымянцев появившейся на сцене своей жене. – Мы ставим в среду литературномзыкальный вечер, я говорю, что ты будешь читать «Грешницу», и вдруг Татьяна Ивановна говорит...

– Никому не позволю «Грешницу» читать! Это мое коронное стихотворение, – подхватила Безымянцева.

– А вот посмотрим! – воскликнула Котомцева.

– Что такое: посмотрим? И мы поглядим. Чем ты кичишься-то? С чего ты важность-то на себя напустила? И я такой же член товарищества, как и ты. На одинаковых марках сговорились ездить-то. Фря!

– Сама фря!

Началась перебранка. К дамам подскочил Котомцев.

– Таня! Таня! Что это такое! Софья Андреевна! Да как вам не стыдно! Уж и без того дела плохи, а вы в самую критическую минуту ссоритесь, – заговорил он и тотчас попросил лесничего начинать следующий акт пьесы.

Лесничий отдернул занавес.

XVI

Наутро после третьего спектакля вся труппа собралась в номере Котомцева, пила чай и составляла афишу литературно-музыкального вечера в зале ратуши. Вечер назывался «артистическим литературно-музыкальным вечером». Безымянцев настаивал, чтобы вечеру, кроме того, было дано общее название «На Олимпе», которое требовал напечатать самыми крупными буквами, но Котомцев не соглашался.

– Что ты! Что ты! При чем же тут Олимп-то? – воскликнул он.

– А при том, чтоб публике в глаза бросилось. «На Олимпе. Артистический музыкально-литературный вечер», – отвечал Безымянцев. – Здесь нельзя без громкого названия, здесь публика не такая. Иначе не пойдет.

– Но какой же тут Олимп, ежели мы будем читать и петь во фраках!

– Ничего не значит. Нам только бы получше сбор взять. Третьего года я ездил с сосьетэ, так мы оперетку «Орфей в аду» играли в Колотушкине во фраках. Город такой есть, не лучше здешнего Гусятникова. И хороший сбор взяли. Все во фраках, а дамы в обыкновенных платьях, и только я один был в костюме, потому что играл – Ваньку Стикса. Да какой костюм-то, если бы ты знал! Красная шерстяная фуфайка на мне была и турецкая феска... Ни трико на ногах, ни

туфель... а в обыкновенных брюках и сапогах. Куплеты под рояль пел с треском. Гром рукоплесканий...

– Нет, нет, господа... Я не согласен... Попробуем первый вечер так, без названия...

– Тогда нельзя ли так прибавить, – предложил Днепровский, – «Артистический музыкально-литературнобалетный вечер». Ведь Даша-то ваша будет же танцевать качучу. Все-таки для расцветки афиши лучше будет.

– Качучу мы и так поставим в красной строке, – сказал Котомцев.

– Красная строка само собой, а слово «балетный» само собой.

– Да, да. Надо все сделать, чтоб больше сбора взять, – поддержала Днепровского сожительница его Гулина. – Вам хорошо рассуждать, коли вы и Безмянцев взяли уже из сборов восемьдесят рублей на выкуп гардероба, а мы с Алексеем Павлычем только на сапоги двенадцать рублей получили да от вчерашнего сбора, словно Христа ради, пять рублей на двоих.

– Позвольте-с... Ежели мы взяли сорок рублей на выкуп гардероба, то ведь это же пойдет на общую пользу, – вмешалась Котомцева. – Завтра придет мой гардероб, и мы можем ставить ковровые пьесы, стало быть, у нас будет разнообразный репертуар. Не могу же я, например, в «Роковом шаге» играть в ситцевом платье.

– Верно! Ну а зачем же ты, взявши на гардероб, взяла и

на сапоги? Или потому, что муж – распорядитель товарищества? – попрекнула Котомцеву Гулина. – Что ты первосюжетная, так тебе все можно? Тебе можно, а мы без денег сиди.

– Ах, боже мой! Да не могу же я играть в сапогах, которые есть просят.

– Пожалуйста, матушка, не разговаривай. Знаем. Своя рука – владыка у вас. А мне в субботу не на что было баранок купить к чаю, и я должна была у коридорного пятиалтынный занять. Нет, уж как хотите, а делайте так, как Алексей Павлыч предлагает.

– Неудобно будет. Ну что такое музыкально-литературно-балетный? – доказывал Котомцев. – Тогда лучше я вот как напишу: «музыкально-литературный вечер с балетными танцами», а затем качуча в красной строке. Согласны, господа?

– Согласны, согласны... – откликнулись со всех сторон.

Послышался стук в дверь. Вошел хозяин гостиницы купец Подковкин. Это был рыжебородый пожилой человек с красным лицом и лысиной, облаченный в серый пиджак нараспашку, из которого выпячивалось довольно объемистое чрево с покоящейся на нем часовой цепью. Помолвившись в угол на икону, он поклонился и сказал актерам:

– Чай да сахар!

– Милости просим. Прошу покорно садиться, – отвечал Котомцев и спросил: – За деньгами, должно быть, пожаловали?

– Точно так-с, – кивнул Подковкин, присаживаясь на освобожденный для него Суловым стул. – Кто за чем, а мы все за деньгами. Нельзя ли, господа актеры, хоть сколько-нибудь? Ведь уж одиннадцатый день живете... опять же еда и питье... По буфету забираете... а не видали мы от вас ни копейки.

– Погодите, любезнейший, дайте разыграться хорошенько, – проговорил Днепровский.

– Да неужто в три-то раза не могли разыграться? Ведь уж три раза играли. У меня цирковые актеры в прошлом году стояли, так те хоть и немцы, а каждую неделю платили исправно.

– Расходы ведь у нас были порядочные на обзаведение в театре – ну, вот сборы и ушли на них, – прибавил Котомцев.

– И у цирковых немцев были расходы. Одного зверья что приходилось кормить! Медведь был, осел, пять лошадей, обезьяны, однако, как счет подашь, они честь честью...

– Конечно, у нас лошадей и зверей нет, но вот за занавес надо было заплатить, за лес для скамеек... Лампы...

Подковкин переменил тон.

– Мели, мели больше! – сказал он, махнув рукой. – Заговаривай зубы-то! Будто я не знаю! Глоталову до сих пор за ситец не заплачено, что для занавеса брали; сын головы лес тайком от отца прожертвовал.

Котомцев сконфузился, но произнес:

– Другие расходы были. Вот наши дамы, например... Им

нужно было костюмы себе справить. Нельзя кой в чем выходить на сцену!

– Так-с... – кивнул хозяин. – А у кого ж костюмы заказывали? Что-то не слышно.

– Из Петербурга приедут. Вот завтра ждем.

– Так-с... А вот, по-нашему, прежде, кажись, нужно было бы в гостинице отдать.

– Погоди, братец, погоди. Все до копейки получишь, – хлопнул хозяина по плечу Сулов.

– Знаем, да когда-то еще улита едет, да приедет. А сегодня нельзя ли хоть красненькую? Ведь вчера, поди, пособрали что-нибудь?

– Плохо, Артемий Кузьмич, очень плохо. Вчера целый день дождь лил, – сказал Котомцев и спросил: – Артемий Кузьмич, кажется?

– Так точно. А что плохо, так мы этому непричинны.

– Дождь...

– А в позапрошлый театр и дождя не было, а тоже было плохо. Жена моя была ведь у вас, так видела. И опять будет плохо. Не то нам нужно здесь. Вот ежели бы на арфе умели... да песни петь, да в костюмах русских были или бы тирольцами, так взял бы я вас к себе в трактир, и сидели бы вы в моих номерах на моих харчах в лучшем виде, а что на тарелку соберете с гостей за пение, ваше бы было.

– Мы актрисы, господин хозяин, а не арфянки. Это совсем другая статья, – вставила свое слово Безымянцева.

– Артистки... Служим искусству... – прибавила Котомцева, вся вспыхнув.

– Понимаем... Очень чудесно понимаем. Но для арфянок-то в нашем месте повыгоднее будет. Что такое разговорная игра? Это не по здешнему месту. У нас любят, чтоб вот пение было... Чтоб вот русскую пройтись... трепака...

– Ну, уж что делать... Ничего не поделаешь... Каждому свое... – развел руками Котомцев.

– Свое-то свое, а нам-то каково, коли вы будете здесь в номерах стоять, пить, есть, а с театра ничего не получать!

– Вот в среду в ратуше вечер устраиваем.

– Коли разговорная игра будет – и в ратуше немного возьмете. У нас этого не любят. Что канитель-то слушать!

– Танцы, танцы, господин хозяин, в костюмах... – кивнула ему Гулина.

– Вот это дело десятое. А теперь, господа, нельзя ли хоть красненькую с вас получить?

– Да уж потерпите до среды, – сказал Котомцев.

– Э-эх! – вздохнул хозяин. – Неужто уж красненькой-то нет? Кажется, уж немного прошу. Пошарьте... Ну, куда вам деньги-то? Ведь потом у меня все равно будете пить и есть в долг.

Котомцев переглянулся с товарищами и сказал:

– Вот восемь рублей у меня есть. Коли хотите, возьмите.

– Давай... С актера по мелочам не возьмешь, так и ничего не возьмешь, – отвечал Подковкин и прибавил: – А только

чтоб в среду уж мне не меньше, как пару красненьких.

– Непременно. Будет сбор, так до копейки рассчитаемся.

– Ну ладно. Прощенья просим.

Хозяин взял восемь рублей, поднялся со стула и стал уходить.

XVII

Литературно-музыкальный вечер, данный в зале ратуши, опять не собрал публики. Сбору было всего двадцать шесть рублей. Даже обычные посетители трех первых спектаклей блистали своим отсутствием. Не явился и мировой судья, не приехал и начальник станции. Голова за безвозмездно уступленное зало в ратуше сидел со всем своим семейством в первом ряду даром. Даром вошли в зал и писцы управы, сторожа ратуши также пропустили изрядное число публики бесплатно. Суровщик Глоталов, не получив за ситец, который у него брали для занавеса, со второго спектакля не платил уже ни копейки и всегда приводил с собой несколько человек приятелей. Содержатель гостиницы Подковкин и его семья сидели также даром. А на этот раз даже лесничий и лесничиха, участвовавшие в вечере, потребовали десяток даровых билетов для своих знакомых. К довершению неудачи и еврей Варганчик возмутился и отказался платить на этот раз и за вешалки, и за буфет, так как ему почти никто не отдал на сохранение платья и никто не пил и не ел в буфете. Публика сдавала свое платье сторожам ратуши, а голова приготовил в одной из комнат канцелярии закуску с водкой и чай, куда и приглашал своих знакомых выпить и закусить, а знакомыми у него были почти все присутствующие. Котомцевы и другие актеры повесили головы.

– Ну, что? Вот и в центре города даем вечер, а ничего не берем, – говорил Котомцев лесничему. – Нет, уж здесь место такое проклятое!

– Позвольте... Был бы сегодня сбор, но на ваше несчастье у нас сегодня в посаде два именинника: доктор Иван Иванович и помощник начальника станции Иван Максимыч, – отвечал лесничий. – Множество народа там.

– Опять? Прошлый раз были поминки, а нынче именинники, и все это мешает сбору?

– А вы думали, как? И мы с женой должны бы быть у доктора на вечере, но только вот то, что участвуем у вас. Мы были утром у него, поздравили, поели пирога и отказались от вечера. У них множество приглашенных, для ужина они нарочно гусей откармливали. Доктор какую-то особенную настойку к этому вечеру настоял. Я не знаю, как голова-то сегодня здесь сидит. И он бы должен быть там. У помощника начальника станции тоже пир, и, разумеется, весь железнодорожный персонал присутствует и многие товароотправители. Неудача. Ничего не поделаешь. Подождите до воскресенья.

– Но ведь этак опять может случиться, что и в воскресенье какие-нибудь именины, крестины, похороны или родины повлияют на сбор, – возразил Котомцев.

– Нет, про следующее воскресенье ничего не слыхать. Разве свадьбы... Да нет, нынче у нас в посаде на всю осень и свадеб никаких.

– Как никаких? – подскочил нотариус. – В воскресенье мещанский староста женится.

– Батюшки! И то! – воскликнул лесничий. – Впрочем, он сбору в театре не повредит. Во-первых, он вдовец и женится на второй, на своей давнишней дульцинее, да и человек он в городе не особенно популярный.

– Ну как не популярный! Мещане ему подносят хлеб-соль и выписали серебряную солонку из Петербурга, – рассказывал нотариус. – Нет, и его свадьба может повлиять на сбор. Не очень сильно, но все-таки повлияет. Вот начнется Рождественский пост, свадеб вовсе не будет, и тогда по воскресеньям сборы будут лучше.

– Отец родной! Да до Рождественского-то поста наша труппа может с голоду помереть, – отвечал Котомцев, пригорюнился и прибавил: – Женины костюмы пришли из Петербурга. Попробуем в воскресенье поставить в театре ковровую пьесу «Роковой шаг», и ежели на этот раз не возьмем хорошего сбора, то взять да и уезжать из вашего Гусятникова в Краснопузырск, пока последние фрачишки еще не проели. Придется, правда, опять закладываться на дорогу, ну, да ведь нам не привыкать стать к этому.

– Молите только Бога, чтоб к воскресенью санный путь был, – и сбор в театре будет, – сказал подошедший к Котомцеву пристав. – У нас по первопутке любят за город кататься, и все приедут.

– Да, мещане. Мещане любят кататься по первопутку, но

мещане в воскресенье будут у своего мещанского старосты на свадьбе, – подхватил нотариус.

– Так, так... Вообразите, ведь и я зван на эту свадьбу, – сказал пристав.

– Говорю, что Рождественского поста нужно ждать, и тогда по воскресным и праздничным дням хорошие сборы начнутся, – продолжал нотариус.

– Что вы толкуете! – перебил его пристав. – В Рождественском посту наши купцы и мещане будут считать за грех и в театр-то ходить. Все сядет на треску да на мороженую судачину.

– И то, и то, – согласился лесничий. – Нет, уж в посту вам придется на одну интеллигенцию возлагать надежду. Только она одна и может поддержать. Теперь и я помню, что перед Рождеством приезжал к нам хор певцов и плясунов, давал два вечера в ратуше и с чем приехал, с тем и уехал.

– Печально, очень печально... – повторял Котомцев, покачивая головой, и стал прохаживаться по комнате, отведенной под мужскую уборную.

Вошла его жена, только что исполнившая перед публикой свой номер – стихотворение «Убогая и нарядная» Некрасова. Одета она была в черное шелковое платье со шлейфом.

– Без единого хлопка... – сказала она мужу про свое исполнение. – Нельзя здесь устраивать литературные вечера. Не любят здесь чтение.

– Здесь, матушка, ничего не любят, здесь любят только

жареных откормленных гусей да настойку, – мрачно отвечал он, намекая на сегодняшнее именинное угощение у доктора.

– Ну а что, при сегодняшнем сборе мы все-таки без убытка? – спросила она.

– Отстань! Надоело и говорить об этом.

Вечер прошел вяло. Немногочисленная публика зевала, а при чтении Котомцевой во втором отделении стихотворения «Грешница» какой-то купец, сидевший во втором ряду стульев, даже заснул и начал храпеть, чем возбудил смех в публике. Пристав тотчас же направился к нему и растолкал его. Не произвели никакого эффекта и «Записки сумасшедшего», исполненные Котомцевым в костюме. Суслову за куплеты еще немножко похлопали. Некоторое оживление внесла лесничиха своим исполнением малороссийских песен да Даша, свояченица Котомцева, чуть не в слезах протанцевавшая качучу последним номером. Танцевала она очень плохо, но тем не менее костюм, тельное трико и миловидность ее подкупали зрителей. Ее приняли чуть не на ура и заставили повторить номер. Сын головы и сын кабатчика Подседова сдержали свое слово и поднесли ей букет из живых цветов, купленный от садовника из оранжереи на винокуренном заводе.

Когда Даша, по окончании номера, явилась в уборную переодеваться и показала сестре букет, та сказала:

– Глупые мальчишки! Лучше бы полкуска полотна поднесли. У тебя все сорочки худые.

Как только вечер кончился, в мужскую уборную тотчас же вошел содержатель гостиницы Подковкин, кланялся и говорил:

– Ну как, господа актеры, сегодня мое счастье? Полностью со мною по счету рассчитаетесь или дадите только две обещанные красненькие?

– Ничего не дам. Подождите до воскресенья, – отвечал Котомцев.

– Как? Опять до воскресенья? Да ведь сегодня у вас хорошо клюнуло.

– Где же клюнуло-то, ежели еле-еле концы с концами свели? Афиши, билеты, освещение, тапер и аккомпаниатор, а всего и сбора двадцать рублей с небольшим.

– Вот те и здравствуй! Да что вы мне зубы-то заговариваете! Полная зала публики.

– Публика даром в конце вечера прошла. Сторожа и еврей Варганчик напустили. Да и помимо Варганчика и сторожей, наполовину даровой публики было. Вот вы, например, с женой и дочерьми даром сидели.

– Еще бы мне-то платить! Нет, послушайте, барин, вы дайте мне две красненькие, иначе я завтра вам и самоваров отпускать не велю.

– Ах вы, безбожник, безбожник!

– Позвольте... Чем же безбожник-то? Я, слава богу, обстоятельный купец, а не безбожник. Уж и так мирволим всячески. Две недели в номерах стоите, пьете, едите, и никто из

вас платить не хочет! Вы безбожники, а не мы. Нет, уж как там хотите, а завтра сидите без самоваров.

– Ну, вот вам четыре рубля в уплату. Последние отдаю. А остальные деньги до воскресенья.

– Да уж слышали, слышали мы про эти воскресенья-то! Эх, народ!

Подковкин взял деньги, тяжело вздохнул и, никому не поклонившись, вышел из уборной.

XVIII

– Голубчик, Пантелей Федорыч, поддержите, похлопочите! Нельзя ли кому билетиков порассовать на воскресный спектакль? – просил пристава Котятникова Котомцев. – Верите ли, ведь погибаем. В гостиницу не заплачено. Проклятый Подковкин грозитя не давать самоваров. Уезжать от вас – но с чем выехать-то? Хоть на уплату Подковкину да на дорогу нам похлопочите. Сейчас я был у мирового и просил его, а теперь к вам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.